Ник. Сергиевский

„Эти милые Две буквы"...

Книга о К.Р.

Книга набрана и напечатана в типографии:

Tipografia Veniamin V. Sapelkin

Rua Dr. Cesario Motta Junior, 504 São Paulo, Brazil

Обложка художника

А. Е. Агафонова

Printed in Brazil

НИК. СЕРГИЕВСКИЙ

„ЭТИ МИЛЫЕ ДВЕ БУКВЫ...”

КНИГА О К. Р.

ВОСПОМИНАНИЯ, ОЧЕРКИ, ФАКТЫ, МЫСЛИ
О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ЕГО

◆

С ПРИЛОЖЕНИЕМ КРАТКОГО СОДЕРЖАНИЯ ДРАМЫ „ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ“, ПОЛНОГО ТЕКСТА ДВУХ КАРТИН ЕЕ, ДАЮЩИХ ОТЧЕТЛИВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДРАМЕ, И ДВУХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ: ПОРТРЕТА К. Р. С АВТОГРАФОМ ЕГО И ПОРТРЕТА ЕГО В РОЛИ ИОСИФА АРИМАФЕЙСКОГО

◆

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУССКАЯ КНИГА В АМЕРИКЕ»

1957 ◆ LONG BEACH, NEW YORK ◆ 1957

Я всю любовь, всѣ лучшія стремленья,
Все, что волнуетъ грудь въ ночной тиши,
И всѣ порывы пламенной души
Излилъ въ свои стихотворенья...

К. Р.

1

«Разрушенный родительский очаг» — колыбель творчества К. Р.

В 1879 году великий князь Константин Николаевич, генерал-адмирал русского флота, проводил весну, с дочерью Ольгой, молодой королевой Эллинов, и сыном Константином, 20-тилетним лейтенантом, уже украшенным Георгиевским крестом за дело под Силлистрией два года тому назад, в своем летнем дворце Орианда на южном берегу Крыма, воспетом впоследствии К. Р. в элегии под тем же названием:

Я посетил родное пепелище —
Разрушенный родительский очаг,
Моей минувшей юности жилище,
Где каждый мне напоминает шаг
О днях, когда душой светлей и чище,
Вкусив впервые высшее из благ —
Поэзии святого вдохновенья, —
Я пережил блаженные мгновенья...

Этот «родительский очаг», небольшой, но очень уютный дворец, был «разрушен» два года спустя, в год трагической гибели старшего брата Константина Николаевича, императора Александра II: дворец сгорел до тла «по невыясненным причинам». Ходили зловещие слухи, что младший брат Александра II, который на случай его смерти до рождения сына-наследника предназначался быть регентом России, которому дважды предлагался королевский престол греческий и венгерский, будто бы имел замыслы и на русский престол и

был по этому поводу в связи с русскими революционерами. Судачили, будто Орианда была гнездом их, сожженным ими самими или агентами охранки. Константин Константинович впоследствии категорически отрицал эти слухи и, конечно, они были вздорны. Однако несомненен факт, что в придворных и правительственных кругах Константин Николаевич, демократ по убеждениям, считался лицом подозрительным. Я знаю из достоверных источников, что за его Мраморным дворцом в Петербурге была установлена слежка и был случай, когда один инженер-механик флота, занимавшийся в богатой библиотеке этого дворца своего генерал-адмирала изучением какого то морского вопроса, выйдя из дворца с большим пакетом книг, был арестован агентами охранки по подозрению, что он несет бомбу...

На самом деле Константин Николаевич был преданнейшим сторонником всех освободительных реформ своего старшего брата и деятельнейшим помощником его в проведении их, еще до отмены крепостного права освободивший своих крепостных крестьян с наделением их землею и безвозмездно передавший туземцам свои обширные владения на Кавказе. Конечно, вся такая деятельность великого князя-демократа вызывала скрытую злобу крепостников-реакционеров, и отсюда многочисленные враги, плодившие злостные слухи, создавшие ему репутацию опасного человека, что, с воцарением тугодума Александра III, повело к удалению Константина Николаевича в отставку, правда очень почетную, но с лишением его всех занимаемых им высших государственных должностей, в том числе должности генерал-адмирала русского флота, который обязан был ему многими благодетельными реформами, считавшимися вредными сторонниками реакционной политики. Выделяясь из их толпы своими светлыми взглядами и ясным умом, Константин Николаевич был государственным деятелем широко образованным, по-

кровителем науки, литературы и искусств. Русская литература была многим ему обязана. Лучшим представителям ее, как Гончарову, Далю, Островскому, Писемскому, Потехину, Станюковичу и другим он широко открыл двери до него сухого официального журнала «Морской сборник», на страницах которого нашли отражение светлые веяния эпохи великих реформ. Гончаров, Григорович и Максимов, получившие возможность совершить дальние плавания по его инициативе, дали русской литературе свои крупные произведения «Фрегат Паллада», «Корабль Ретвизан» и «Год на севере».

Константин Константинович унаследовал от отца любовь к науке и искусствам. С детства он встречал в петербургском салоне своей матери, Александры Иосифовны, лучших представителей русской литературы и поэзии, ставших впоследствии его друзьями, заботливо руководившими развитием его поэтического дарования. От отца же Константин Константинович перенял и некоторый демократизм, доброжелательную простоту отношения к людям самых разнообразных классов. Вспомню по этому поводу мимоходом один маленький характерный эпизод.

Весною 1914 года, на Пасхе, по возвращении К. Р. из Египта, куда он ездил лечиться зимою вслед за постановкой в Эрмитажном театре его знаменитой драмы «Царь Иудейский», я встретился с ним в Крыму. Перед отъездом в Египет он просил меня найти надежного переводчика драмы на немецкий язык. Задача была трудная. Перевод требовался, конечно, безукоризненный, передающий все оттенки оригинала, написанного белым стихом. Но я без колебания рекомендовал моего близкого приятеля, профессора немецкой литературы во всех наших военных академиях, Альфонса Шульца, отлично владевшего немецким литературным пером и хорошо знавшего русский язык и литературу. Я был уверен, что он справится с переводом отлично. Мой друг, по-немецки несколь-

сколько сентиментальный, представлявший себе великого князя во всем величии его высокого положения, ехал на свидание с ним в одном из крымских дворцов с некоторым трепетом. Высокая честь предстоящего знакомства с «принцем царской крови», дядей царствующего императора, его волновала и тешила. Я не охлаждал его энтузиазма. Разочарование у него оказалось полное, но оно же сменилось новым очарованием. Великий князь принял нас запросто в домашней тужурке. Началась непринужденная беседа без всякого намека на официальность. Камердинер подал чай на подносе, чай, как чай, без всякой пышности, как все люди пьют. Заметив, что у хозяина оторвался погон от плеча, который он теребил во время разговора, камердинер принес нитку с иголкой и занялся починкой. Такая домашняя обыденная обстановка приема, вместо ожидавшейся торжественной аудиенции, совсем покорила сердце моего чувствительного немецкого друга. Он отблагодарил К. Р. за его простоту и ласку действительно замечательным переводом его любимого детища.

Красота крымской природы в Орианде во всей пышности ее цветения в эту весну 1879 г. впервые, повидимому, пробудила в молодом лейтенанте потребность выразить охватившее его настроение в стихах. И он написал тут свое первое восьмистишие «Задремали волны», сравнивавшее успокоившуюся под светом полной луны лазурь моря с горем, вдруг озаренным радостью, — восемь безыскусственных, милых, изящных строк.

Плавая летом следующего года на фрегате «Герцог Эдинбургский», молодой поэт побывал в Алжире, Неаполе, Татое, близ Афин, у своей любимой сестры Ольги, с которой был очень дружен, совершил поездку по Святой земле, побывав в Иерусалиме. Впечатления от этой поездки были

особенно сильны. И, вернувшись в Татой, он излил их в стихотворении «Псалмопевец Давид», напечатанном на первой странице в августовской книжке «Вестника Европы» за 1882 год, где в то время печатались произведения Тургенева («Стихотворения в прозе»), гр. Алексея Толстого, Полонского и других наших знаменитых поэтов и писателей. В изданном мною недавно, по случаю 40-летия кончины Константина Константиновича, небольшом сборнике его стихов «Жемчужины поэзии» это первое его напечатанное стихотворение, с которого и следует считать начало его литературной деятельности, приведено не было за недостатком места. Поэтому привожу его здесь целиком:

О, царь, скорбит душа твоя,
Томится и тоскует!
Я буду петь: пусть песнь моя
Твою печаль врачует.
Пусть звуков арфы золотой
Святое песнопенье
Утешит дух унылый твой
И облегчит мученье.
Их человек создать не мог,
Не от себя пою я:
Те песни мне внушает Бог,
Не петь их не могу я!
О, царь, ни звучный лязг мечей,
Ни юных дев лобзанья
Не заглушат тоски твоей
И жгучего страданья!
Но лишь души твоей больной
Святая песнь коснется, —
Мгновенно скорбь от песни той
Слезами изольется.
И воспрянет дух унылый твой,
О, царь, и торжествуя,
У ног твоих, властитель мой,
Пусть за тебя умру я.

Немногие исключительные любители поэзии обратили внимание на это впервые появившееся стихотворение неизвестного автора К. Р., но для большой читающей публики эти скромные инициалы промелькнули незамеченными. Когда же в декабрьской книжке того же года «Вестника Европы» появилось сразу пять стихотворений за той же подписью под общим заглавием «В Венеции», на неведомого, но несомненно даровитого поэта и критика и читающая публика обратили большое внимание. По мере того, как стихи К. Р. продолжали появляться в печати, интерес к личности автора их возрастал и постепенно стало известно, что под скромным псевдонимом скрывается талантливый августейший поэт.

2

Путь к славе

В 1886 г. появился первый сборник «Стихотворений К. Р.», изданный в ограниченном количестве экземпляров и в продажу не поступивший: ввиду свойственной ему чрезвычайной скромности, К. Р. видимо все еще сомневался в своих силах и предназначил сборник только для литературных друзей и для опытных судей в лице таких почтенных представителей поэзии и критики, как А. А. Фет, А. Н. Майков, Н. Н. Страхов и друг., на суд которых он послал свой сборник. После этого обращения начинающего поэта к опытным собратьям по перу, между ними и К. Р. начались и переписка и дружеское знакомство. Особенно тесное литературное общение завязалось между К. Р., Фетом и Майковым, искренно ценившими дарование молодого собрата по перу, нежную прелесть его певучей лирики. В одном из своих посвящений

Фету, К. Р. просил маститого поэта, свершившего с верой «в доброе и в Бога» «высокий подвиг свой», благословить «своей дряхлеющей рукою» «на трудный путь» — его, «взращенного судьбою в цветах и счастьи, и любви». И вот, посылая молодому собрату третий выпуск своего сборника «Вечерние огни», поэт-старец, в предвидении близкой могилы, в следующих знаменательных словах передал младшему товарищу по творчеству свое благословение:

Трепетный факел, — с вечерним мерцанием
Сна непробудного чуя истому, —
Немощен силой, но горд упованием
Вестнику света сдаю молодому.

Доживавший свои дни великий поэт с полной верой в К. Р. передавал ему «факел» русской поэзии, благословлял его быть «вестником света» на пути родного искусства, соблюдать в служении ему заветы добра и красоты, его самого вдохновлявшие,—великие заветы чистого искусства русской литературе великого Пушкина. Чтобы понять всю важность подобного «литературного завещания», надо отдать себе отчет в огромном значении литературного авторитета, каким пользовался Фет, про которого чуткий критик Страхов сказал, что он в своем роде «поэт единственный, несравненный, дающий нам самый чистый и настоящий поэтический восторг, истинные бриллианты поэзии»; что Фет — «истинный пробный камень для способности понимать поэзию».

Годом позже (в 1899 г.) после этого события большого значения в литературной жизни К. Р., другой почтенный поэт, А. Н. Майков, назвал его «поэтом-провидцем» в следующем посвящении, прекрасно характеризующем его поэзию, первая строка которого дала заглавие настоящей книжке:

К. Р.

Эти милые две буквы,
Что два яркие огня,
В тьме осенней, в бездорожье,
Манят издали меня.

Зажжены они в воротах,
Что в чудесный мир ведут,
Мир, где только гости с неба
Духи чистые живут.

Для того живут, чтоб знали
Дети бедные земли
Славословье сил небесных,
Высшей Правды и Любви.

Для того, чтоб знали тоже
Братья их на небесах
Обо всех земных страданьях,
Обо всех людских слезах.

И проходят мимо люди, —
Люди плоти и страстей,
Их не видят и не слышат
Ни молитв их, ни речей.

Но идет поэт-провидец,
Как под солнечным лучом —
Вмиг они просиявают
В полном облике своем.

Таким образом, дарование молодого поэта К. Р. было признано старейшими жрецами нашей поэзии, в среде которых он занял с того времени почетное место. В том же году и высший наш литературный суд, в лице Академии Наук, высказал свой приговор о значении творчества К. Р. По случаю чествования в том году столетия со дня рождения Пушкина, Академией был объявлен конкурс на сочинение подходящей к случаю кантаты. По рассмотрении особой комиссией всех представ-

ленных на конкурс произведений, стихотворение под девизом «Душа поэта встрепенется, как пробудившийся орел» — было единогласно признано лучшим из числа многих других. По вскрытии запечатанного конверта, приложенного к стихотворению, оказалось, что оно принадлежит перу К. Р. Переложенная на музыку А. К. Глазуновым кантата была исполнена на торжественном чрезвычайном заседании Академии в день чествования столетия со дня рождения ее знаменитого сочлена. На том же заседании состоялось объявление указа Правительствующему сенату об учреждении при Академии Наук «разряда изящной словесности» взамен существовавшей со времен Екатерины II Российской академии, преобразованной впоследстии в отделение русского языка и словесности, преследовавшее чисто филологические цели, в члены которой не избирались выдающиеся художники слова. Теперь, в память одного из славнейших членов Российской академии Пушкина, академия эта возрождалась в лице «разряда изящной словесности». И 8 января 1900 г. в состав первых «пушкинских академиков» оказался избранным поэт К. Р. наряду с гр. А. А. Голенищевым-Кутузовым, А. М. Жемчужниковым, А. Ф. Кони, В. Г. Короленко, А. А. Потехиным, В. С. Соловьевым, Л. Н. Толстым и А. П. Чеховым. Вскоре вслед затем состоялся указ о назначении Константина Константиновича президентом Академии Наук.

Десять лет спустя, суммируя достижения Академии под руководством вел. князя за указанный срок, старейший из академиков, историк литературы Веселовский, сказал на торжественном заседании, созванном по поводу этого первого юбилея:

«Пробегая мыслью более чем полутора-вековую летопись нашей Академии, мы не найдем в ней ни одного периода ее существования, который можно было бы поставить на ряду с этим десятилетием по важности всего, сделанного для открытия русской науке новых путей и для подня-

тия ее значения. Ваше высочество возлюбили науку, а потому и преданных ей служителей: вот ключ к уразумению всего того, что совершилось в нашей среде в последние десять лет».

3

Литературный подлог венского официоза

Тем временем творческая деятельность К. Р. развивалась. В 1886 и 1900 г. г. вышли второй и третий сборники его стихотворений. Образцы его творчества стали появляться во всех школьных русских хрестоматиях наряду с образцовыми стихотворениями выдающихся русских поэтов. Известность К. Р. росла в России. Стал он известен и за границей. Последние два сборника его были переведены на немецкий язык поэтом профессором доктором Юлиусом Гроссе (в 1891—95 гг.). Успех К. Р. в Германии привлек внимание австрийцев. Они тоже почтили вниманием русского поэта, но почтили довольно своеобразным образом.

Широко известно стихотворение К. Р. «Я баловень судьбы», написанное на заре творчества, в котором он всенародно высказал свое поэтическое «верую» (оно вошло в сборник «Жемчужины поэзии»). В сжатых словах мысль стихотворения такова:

Призванный от рождения к величию, наделенный богатством, почестями и высоким саном, поэт, однако, не дорожит теми преходящими благами, которые дает «роскошь, злато, власть и сила». Есть у него иной, божественный, святой дар — песнь его. Не тем, что он знатного рода, что в нем струится царская кровь, поэт желает заслужить любовь народную. Он мечтает заслужить ее, свершив священный подвиг певца, он видит высшее счастье жизни в том, чтобы звуки его песень, достигнув человеческих сердец, врачевали душев-

ные муки обездоленных и радовали счастливых душой.

Стихотворение это было написано еще в 1883 г. Ближайшие семь лет — срок более, чем достаточный, чтобы интересовавшийся русским автором иностранный переводчик, желая познакомить с творчеством его свою родину, смог уловить, даже при помощи только словаря, хотя бы основной смысл переводимого стихотворения, значительность содержания которого требовала в данном случае от переводчика особенного добросовестного отношения. Однако, нашелся бойкий австрийский рифмоплет, который, забыв посчитаться с элементарными требованиями литературной этики, поднес, под видом перевода стихотворения К. Р., вирши собственного изделия, ниже приводимые в дословном и поэтому несколько шероховатом переводе, подлинник которых был напечатан в австрийском официозе «Neue Freie Presse», с указанием полного официального титула К. Р., но без упоминания его литературного имени:

ПЕСНЬ СВОБОДЫ

его императорского высочества великого князя Константина Константиновича всея России, президента Российской Императорской Академии наук, ныне находящегося под арестом.

Ты, так много страдавший и трудившийся,
Кто бы ты ни был, друг и брат, о, не отчаивайся,
Ибо над нами восседает Господь, видящий все горе,
И от глаз его не скроется никакое зло.

Разрушен и истерзан идеал,
Погруженный в кровь, слезы и невыразимое горе,
Но подожди того дня, который, необлитый слезами,
Разорвет тяжкие цепи и братски нас освободит.

Тогда свобода поднимет свою святую, прекрасную голову,
Стопой своей раздавит бичи, терновый венец и цепи,
Станет царить, как победительница, и вернет себе все,
что у нее похитили, —
Поэт мечтает об этом и желает, чтобы скорей настал
этот час.

Всюду вокруг в бедности стонет народ и устало взирает
На небо, где так долго медлит сострадание, —
Я требую этого, я, которого никогда не угнетала
жестокая бедность;
Ни злато, ни могущество не могут воспрепятствовать
тому, чтобы возмутилась душа.

Могила поглотит блеск, но бессмертна песнь,
Святая песнь, призывающая на борьбу за свободу;
Следуйте за мной, хотя бы в моих жилах текла
царская кровь,
Следуйте зову моей песни и доверчиво соберитесь.

Это не самолюбие и не гордость переполняют мою душу,
Не потому, что я высокого происхождения, выступаю
я, как боец,
Это (зовет меня) мой русский народ, мое родное
племя, которому принадлежит моя жизнь,
Ему я отдаю всего, всего себя, все, что я имею и
что я могу.

Мысли сами по себе, конечно, прекрасные, но ничего подобного К. Р. не высказывал в своем стихотворении «Я баловень судьбы». Цель подобного искажения «переводчиком» подлинника вполне понятна: вызвать сенсацию. Цель достигалась с тем большим успехом, что мнимый перевод стихотворения, приписанного перу не русского поэта, а члена царской фамилии, появился не в каком-нибудь частном издании, где стихотворение могло пройти незамеченным, а в венском официозе, который не только напечатал (весною 1890 г.) этот «перевод» без проверки тождества его с подлин-

ником, но имел еще наглость снабдить его лживым примечанием об аресте автора подлинника.

Велико было изумление русских читателей и друзей К. Р., случайно узнавших об изложенном из австрийских и германских газет, конечно, не замедливших перепечатать литературный подлог венского официоза. Одним из первых в России прочел произведение беззастенчивого австрийского борзописца Фет, с которым К. Р. был в дружбе и постоянной переписке (мне доверенной К. Р. незадолго перед его кончиной, откуда я взял рассказанное выше; о переписке я говорю в следующей главе). Вот, что по этому поводу писал Фет К. Р. 26 апреля 1890 г., прилагая к письму вырезку из немецкой газеты, в которой было перепечатано ложное сообщение венского официоза:

«Сегодня именно появился у меня еще повод заподозрить—не спятил ли я с ума. Старая подруга юности моей, проживающая за границей, прислала мне без всяких объяснений два вырезка из неведомой мне газеты. С особенным удовольствием прочел я «Весну» в переводе Юлия Гроссе, хотя Ваше — «Земля пробудилась от долгого сна» — и чище, и проще, а потому и много поэтичнее.

«Но что сказать о другом стихотворении, искажающем вашу поэтическую исповедь, начинающуюся словами: «Я баловень судьбы?»

«Прилагаю оба вырезка и спрашиваю: возможна ли более гнусная клевета?»

В ответном письме от 1 мая К. Р. шутливо отвечал:

«Очень рад, что вы не поверили немецкой газете, посадившей меня в тюрьму за стихотворение, никогда мне и не снившееся, но тем не менее, переведенное или, вернее, приведенное, так как переводить было не с чего.»

Чтобы довершить историю стихотворения «Я баловень судьбы,» дополню, что выраженная в нем мечта поэта, чтобы звуки его песен достигли человеческих сердец, «скорбного врачуя муки и ра-

дуя счастливого душой,» и тем заслужили ему «доверие и любовь» русскаго народа, осуществилась и гораздо раньше, чем поэт мог этого ожидать. Приехав как то в Москву еще молодым офицером, К. Р. гулял на Воробьевых горах в сопровожденiи управляющего своего двора, генерала-от-артиллерии П. Е. Кеппена. Чей то голос вдали пел — заливался под звуки гармошки — слова, показавшиеся знакомыми. Подойдя ближе, К. Р., к великому своему изумлению, услышал свое стихотворение «Умер бедняга» (о котором я говорю дальше), написанное всего несколько лет тому назад и, как оказалось, успевшее уже стать народной песней, кем то переложенной на музыку, в качестве каковой оно вскоре затем стало входить в сборники народных песен русского народа.

А что поэзия К. Р. могла действительно врачевать скорбную душу, как ему мечталось на заре его творчества, я убедился на примере, когда по окончании «Вечера поэзии К. Р.,» устроенного мною в зале Петербургской Городской Думы вскоре после его смерти, осенью 1915 г., в разгар войны, ко мне подошел какой то штатский человек дорожного серого вида и, протянув руку для пожатия, сказал:

— Не знаю, как благодарить вас за этот вечер. Я беженец из Варшавы проездом здесь. Война отняла у меня все. Где семья, жена, — не знаю. Измучился душой. Случайно забрел сюда и будто от источника живой воды хлебнул, и на душе стало легче...

Такова сила настоящей поэзии.

4.

Шесть томов в красном сафьяне

По мере того, как слава поэта К. Р. росла, по Петербургу поползли слухи: будто прелестные его стихи писались не столько им самим, сколько

переделывались и обрабатывались известными нашими поэтами: где уж мол молоденькому гвардейскому офицеру, да еще великому князю, сочинять такую поэзию. У них совсем другая «поэзия» на уме.

Поскольку такие ехидные слухи были основательны, мне довелось установить, так сказать, документально. Скажу об этом вкратце.

Вскоре после смерти А. А. Фета в 1892 г. и филолога Я. К. Грота в следующем, известный критик и философ Н. Н. Страхов, один из ревностных руководителей таланта К. Р., писал ему:

«В вашей судьбе есть одна черта, которая вместе и прекрасна, и печальна. Вы стоите во главе целой толпы стариков и вы расположены относиться к иным из них не с простым, а с сердечным чувством. И вот им придется постоянно печалить вас: на ваших глазах они будут один за другим сходить в землю. И чей-нибудь уж близок час».

Под такими стариками, к которым молодой поэт «расположен был относиться с сердечным чувством», Страхов разумел ближайшим образом себя, Гончарова, Фета, Майкова, Полонского, а также П. И. Чайковского, с которыми К. Р. находился много лет в деятельной переписке. После смерти каждого из этих шести наиболее близких ему литературных друзей, вдовы их возвращали К. Р. написанные им письма. Эти свои письма, вместе с полученными на них ответами, К. Р. отдавал переплетать в красный сафьян. Эти шесть объемистых томов, бережно хранимых К. Р., представляли, конечно, большую литературную ценность, никем при жизни К. Р. неразработанную, которую он завещал передать после своей смерти Академии Наук, точнее пушкинскому отделу ее, так называемому «Пушкинскому домику», где эти томы теперь и хранятся. Зимою 1915 г., за несколько месяцев до своей смерти в июне того же года, К. Р. доверил это литературное богатство

мне, написав мне по этому поводу в конце апреля в ответ на мой вопрос, как долго я могу пользоваться им: «Мою переписку с покойными нашими писателями держите у себя, не стесняясь сроком: я знаю, что она в верных руках». А уже месяца полтора спустя смерть К. Р. в июне прервала мою работу: согласно завещанию его эти шесть томов были переданы по назначению в Академию Наук. Однако, я успел довольно подробно ознакомиться с ними, закрепив многие выдержки из писем на диктофонных валиках. Это дает мне возможность судить о том, есть ли правда в ходивших тогда слухах о том, будто стихи К. Р. «обрабатывались» известными поэтами-классиками, являвшимися таким образом как бы со-авторами К. Р. Из массы писем этих литературных друзей К. Р. даже только два письма дают уже в общих чертах достаточно ясный ответ на этот вопрос: одно, написанное Гончаровым в 1884 г. по поводу посланных ему начинающим поэтом первых своих опытов в виде маленькой брошюры, названной Гончаровым «записной книжкой», в очень малом количестве напечатанной только для посылки литературным друзьям-критикам, и другое письмо, написанное в том же году Страховым.

Письмо Гончарова, одного из самых заботливых и чрезвычайно внимательных пестунов таланта К. Р., гласило (без сохранения здесь своеобразной орфографии и с некоторыми пропусками) следующее:

«Первые стыдливые звуки молодой лиры — всегда трогательны, когда они искренни: т. е., когда пером водит не одно юношеское самолюбие, а просятся наружу сердце, душа и мысль. Такое трогательное впечатление производит букет стихотворений, записанных в книжке, при сем возвращаемой.

«Это горсть руды, где опытный глаз отыщет блеск золота, т. е. признаки таланта. Первый

признак — робость, некоторое недоверие к себе, но еще более верный признак — это горячее, почти страстное влечение, как здесь видно, выражаться, писать!..

«Почуяв в прилагаемой записной книжке несомненные признаки таланта, я прочел одному опытному приятелю (не называя автора) из печатной брошюры. Он прослушал с видимым удовольствием и первыми его словами были: «тут есть талант!» Прочел еще одной, очень литературной даме. «Как это свежо, молодо, искренно!» сказала она. Это мне послужило поверкой моего впечатления.

«Может быть — и вероятно так и будет — со временем автор эти первые опыты уничтожит, когда напишет вторые, третьи, и те уже назовет первыми опытами. И у Пушкина Бахчисар. фонтан, Кавказский пленник — вовсе были не первыми: им должны были предшествовать многие, многие младенческие шаги, которые он, конечно, бросил... К этим первым произведениям вела, конечно, длинная подготовительная работа — с тру-трудом, разочарованиями, муками одоления техники и т. д.

«Я позволил себе отметить крестиками (в записной книжке) более удачные стихотворения, а в самых пьесах подчеркнуть карандашом неудачные или неловкие выражения.

«Да простит мне августейший автор это длинное писание и да примет его, как знак искреннего моего уважения к нему самому и к его рождающемуся, может быть, высокому и блестящему дарованию, несомненные искры которого блестят в прилагаемой записной книжке».

Два года работал К. Р. над развитием своего «рождающегося дарования», после чего издал небольшую книжку стихов, тоже предназначенную только для близких литературных друзей, своих критиков.

Вот что писал Страхов по поводу этой, уже более зрелой, работы:

«Книжка ваша доставила мне истинное удовольствие. Так много свежести, искренности в самом лучшем смысле этого слова. Конечно, почти вся книжка есть только обещание, но очень решительное обещание. У вас есть три свойства, которые показывают действительное дарование. Во-первых, ваша мысль не тянется, не расплывается, а легко складывается в законченную форму. Почти все стихотворения коротки, как и следует. Во-вторых, не мало встречается звучных стихов, показывающих истинное чутье стихотворной речи. «Безмолвна мраморная арка», напр., или «Умолкли рыдания бури кипучей» и проч. «В-третьих, есть своеобразие в стихе, есть **свой звук,** своя манера. Ее трудно определить, но я чувствую ваше **пение,** какую-то особенную плавность языка. Эта плавность приводит вас и к кой-каким недостаткам. Так у вас много пятистопных стихов, которые я забраковал бы за то, что они без цезуры. Вы помните:

Признаться вам, я
в пятистопной строчке
Люблю цезуру во второй стопе;
Иначе стих — то в яме,
то на кочке...

«Цезура хороша и на половине третьей стопы: стихи же вовсе без цезуры, конечно, правильны, но требуют особых условий. Такие стихи выдаются из других и потому должны быть особенным образом обставлены...

«Но все это пустяки. Так как у вас есть чувство истинной и своеобразной гармонии стиха (вернее — мелодии), то оно, развиваясь, от всего этого освободится.

«А что же содержание? Содержание очень меня тронуло. Оно не надуманное, а естествен-

ное, прямо из души. Оно состоит из очень чистых, молодых, добросердечных чувств и мыслей. Дай вам Бог сохранить навсегда такое прекрасное настроение!..

«Перед вами еще дальний путь. Если вы не торопитесь, то хорошо делаете. Ваш стих может достигнуть полного развития той силы и красоты, которых зачатки в нем есть, и ваши образы и чувства могут созреть до полной яркости и глубины. Будьте только верны самому себе, и вам поможет та сила, которая помогает всему хорошему».

Из этих только двух писем уже ясно видно, в чем заключается заботливая помощь, которую наши маститые писатели оказывали своему начинающему собрату: они руководили его первыми шагами, направляли их на верный путь, указывали огромную работу, которую молодому К. Р. надо было проделать прежде, чем по праву назваться истинным поэтом, они отмечали слабые места его стихосложения и указывали более удачные и т. д. Это была замечательная практическая и теоретическая школа, лучше которой ничего нельзя было желать. Пройдя ее, К. Р. после смерти своих любимых «стариков»-учителей, твердо встал на свои ноги. На всем протяжении массы страниц шести объемистых сборников в красном сафьяне, я не встретил случая, чтобы знаменитые наши поэты помыслили унизить себя попыткой «обрабатывать» стихи К. Р. технически или по содержанию. А как К. Р. настойчиво и упорно работал над своими стихами, видно из письма, которым он ответил на приведенное письмо Страхова:

«Я читал и перечитывал ваши отзывы о моих стихотворениях и спешу выразить искреннюю благодарность за ваше сочувствие к моим первым опытам и, в особенности, за беспристрастное и строгое мнение, так откровенно вами высказанное. В обществе, в котором я вращаюсь, мои сти-

хи произвели впечатление; похвалы им я слышу со всех сторон; прекрасный пол особенно щедр на них. Это хотя и ласкает мое самолюбие, но нисколько меня не удовлетворяет. Мне нужно более осмысленное суждение, а не одна пустая похвала лиц, ничего в деле поэзии не понимающих. Я не хочу быть диллетантом в словесности; я смотрю на свое дарование, как на талант, ниспосланный мне свыше, и не желал бы уподобиться неключимому рабу. Я убедился опытом, что только посредством неутомимого труда можно достигнуть чего-нибудь, и надеюсь с Божьей помощью совершенствоваться, терпеливо стремясь к заветной цели. Вот почему мне дороги ваши замечания. Я совершенно с вами согласен, что торопиться не следует. Да я и не мог бы торопиться: писать я могу только, когда меня посещает вдохновение, этот сладостно-мучительный недуг. Когда оно нахлынет, я пишу, но всегда медленно и с большим трудом. Благодаря многим отзывам, слышанным мной о моих стихах с разных сторон, я теперь более зрело и строго отделываю то, что выливается из под пера. Но не редко впадаешь в уныние и руки опускаются, когда хочется писать и не можешь».

В 1902 г. «Стихотворения К. Р.» вышли новым, четвертым изданием. В том же году были изданы три тома великой трагедии Шекспира «Трагедия о Гамлете, принце датском» в переводе К. Р., получившем значение классического. Кроме «Гамлета», он дал образцовый перевод трагедии Шиллера «Мессинская невеста». Обе эти трагедии в его переводе были поставлены на сцене импер. петербургского Эрмитажного и царскосельского «Китайского» театров так называемым «Измайловским досугом», литературным клубом при лейб-гвардии Измайловском полку, задуманным и проведенным в жизнь августейшим одно-

полчанином измайловских офицеров, — литературным учреждением, под сенью которого измайловские офицеры посвящали внеслужебные «досуги» служению искусству «во имя доблести, добра и красоты», как гласил благородный девиз, этими словами выраженный в последней строфе стихотворения К. Р. «На 25-летие Измайловского досуга»:

...Дверь храма родного
Двадцать пять лет отперта;
Нам ее отперли эти три слова:
Доблесть, добро, красота.

Кроме большого количества лирических стихотворений, оригинальных и переводных, двух упомянутых выше переводов «Гамлета» и «Мессинской невесты» и переводов отрывка из трагедии Шекспира «Король Генрих IV» и драмы Гете «Ифигения в Тавриде», перу К. Р. принадлежит три крупных самостоятельных произведения: драматический отрывок «Возрожденный Манфред» (являющийся как бы продолжением классической поэмы Байрона «Манфред», в котором К. Р. задался целью изобразить душевное состояние Манфреда в его загробной жизни), строфы «Севастьян Мученик», глубокие по своему идейному содержанию, характерные для уразумения нравственного облика К. Р., и, наконец, одно из самых крупных, вдохновенных и совершенных произведений его — драма на евангельскую тему «Царь Иудейский», о котором поговорим дальше. А в заключение этой главы попытаемся осветить вопрос, каково же, в общих чертах, содержание творчества нашего поэта, которому Фет завещал быть его преемником.

Поэзия К. Р. преобладающим образом лирическая, т. е. такого рода, в которой непосредственно выражаются чувства и движения души поэта, открывается его духовное мировоззрение. Каковы же они у К. Р.? Он дает ответ на этот вопрос в стихотворении «К поэту»:

Лишь тем, что свято, безупречно,
Что полно чистой красоты,
Лишь тем, что светит правдой вечной,
Певец, пленяться должен ты.
Любовь — твое да будет знанье:
Проникнись ей, и песнь твоя
В себе включит и все страданье,
И все блаженство бытия.

В другом стихотворении под тем же заглавием К. Р. говорит:

Будь верен долгу своему
И, гордый званием поэта,
Преследуй песней ложь и тьму
Во имя истины и света.
На лад возвышенный настрой
Свою божественную лиру,
О небесах немолчно пой
Их забывающему миру.
Во зле лежит он искони,
Но люди жаждут обновленья, —
К добру и правде их мани
Могучей силой песнопенья.
Пой о любви толпе людской,
Пой величаво, вдохновенно,
Священнодействуя смиренно
Перед поэзией святой.

Звездой путеводной поэту в его творчестве служат любовь и красота. Он никогда не нарушит однажды данный им обет, любовь согревает ему душу, она ему жизнь и свет. Не зная устали и лени, отважно к цели он святой стремится, чтобы преклонить колени пред вечной красотой. В своих стихотвореньях он излил

Всю любовь, все лучшие стремленья,
Все, что волнует грудь в ночной тиши
И все порывы пламенной души.

В стихотворении «Я баловень судьбы» поэт, высказывая равнодушие к «богатсву, почестям, высокому сану, роскоши, злату, власти и силе», признается:

Есть дар иной, божественный, бесценный,
Он в жизни для меня всего святей,
И ни одно сокровище вселенной
Не заменит его душе моей!
То песнь моя...

В стихотворении «В дежурной палатке» К. Р. свидетельствует, что он относится к своему творчеству, как к священнодействию, творит в минуты действительного наития восторга вдохновления.

Итак, «священнодействуя смиренно», К. Р. воспевает лишь то, что свято, безупречно, что полно чистой красоты, воспевает правду вечную. Любовь — его знание; преследуя, во имя истины и света, ложь и тьму, он поет о небесах их забывающему миру и могучей силой песнопенья зовет людей к добру и правде. Таким образом, творчество К. Р. преисполнено христианского мировоззренья, содержание этого творчества, силы движущие им: христианская любовь в самом возвышенном значении этого слова и вечная красота нравственных совершенств. Он вдохновенный певец их, он поет «милостью Божьей», на служение чистому искусству его вдохновляют высшие заповеди христианства, его прекрасные песни ему внушает Бог. Эту тайну своего творчества К. Р. открывает нам в стихотворении «Псалмопевец Давид», первом стихотворении, как мы знаем, появившемся в печати и положившем, таким образом, начало его литературной деятельности. «Не от себя пою я», признается нам поэт в этом стихотворении,—«те песни мне внушает Бог, не петь их не могу я».

Вот чем объясняется очарование творчества К. Р., его чистота и совершенство. И вот почему свыше озаренные вдохновением, песни-стихотворения К. Р. одинаково доступны и понятны серд-

цу взрослого и ребенка — всякого человека, чья душа открыта навстречу красоте добра и правды. И вот почему его стихотворения так много говорят нашей душе, ласкают ее, радуют, пробуждают в ней мысли светлые, учат нас добру и совершенствам жизни.

Я полюбил песни его в раннем детстве. День, когда отец приносил мне новую книжку «Русского Вестника» со стихотворением К. Р., бывал счастливейшим событием моей детской жизни, затмевавшим все другие мои детские радости.

5

Стихотворение Великого Князя становится народной песней

Из числа лирических стихотворений К. Р. выделяется одно, самое длинное из всех, «Умер бедняга», ставшее, как я упомянул, народной песней, ярко рисующее отношение его к простому люду.

Командуя семь с половиной лет «ротой его величества» л.-гв. Измайловского полка, Константин Константинович относился к своим солдатам, разлученным с семьями и родной деревней, с большим участием и заботой. Он изучил их быт, полюбил их, сроднился с ними душой. И вот в стихотворении «Умер бедняга», самом длинном из всех своих лирических стихотворений (оно включено в сборник «Жемчужины поэзии») он трогательно описал болезнь и смерть одного из солдат своей роты. Отличный строевик, смышленный, понятливый парень, которому предстояли всякие отличия по службе, этот молодой измайловец заболел цынгой, долго томился в военной больнице, тоскуя по семье и родной деревне, и отдал Богу душу в сиротливом одиночестве. По уставу, покойного обрядили в «старый мундир», отпели наскоро даже не в церкви, а в больничной часовне, взвод солдат про-

водил гроб, по положению, только до первого поворота улицы, откуда дроги без провожатых поплелись на кладбище.

Дрогам вослед мы глядели, глядели
   Долго с печалью немой...
Перекрестилися, шапки надели
   И возвратились домой...

Люди чужие солдата зароют
   В черной земле глубоко
Там, за заставой, где ветры лишь воют,
   Где то в глуши далеко.

Спи же, товарищ ты наш, одиноко!
   Спи же, покойся себе
В этой могилке сырой и глубокой!
   Вечная память тебе.

Как такие стихотворения захватывали своей искренностью простых людей, можно судить по следующему случаю со стихотворением «Умер бедняга». Прочтя его в журнале «Русская Старина», некий рядовой Измайловского полка, человек грамотный и сам пописывавший стишки, излил свои чувства по поводу этого стихотворения в следующих заметке и стихах, напечатанных в той же «Русской Старине» в 1887 г.:

ПОЭТУ К. К. Р-ВУ.

«В октябрьской книге уважаемого журнала «Русская Старина», изд. 1887 г., я прочел стихотворение К. К. Р. «Умер». Теплые, сердечные строки чарующего, гармоничного стиха, в которых вылилось так много правды, — глубоко запали в мою душу. Будучи сам солдат, я в течение трех лет моей службы мог убедиться, что человек, выражающий такую любовь, такое участие, такое соболезнование к жизни солдата, есть чест-

ной и благородной души человек. Чтобы передать такие чувства к нему, надо жить его радостью, страдать его горем, плакать его слезами. Я собрал тех, которые заслужили любовь благородного певца, и прочел им его стихотворение. О, еслибы он видел, какое чудное действие имели на них его вдохновенные строки, он бы сказалъ: вот моя лучшая награда!

«Принося поэту искреннюю и сердечную признательность от всех бесхитростных солдатских сердец за его добрые к ним чувства, я сообщаю на странице уважаемого журнала свои слабые строки, прямо вызванные стихотворением К. К. Р-а:

Певец, я твои вдохновенные строки
О брате усопшем прочел.
Как много души в них, как мыслью глубоки
И горечью жизненных зол.
Звучит в них любовь и участье к солдату,
Незримые слезы видны, —
Певец, эти чувства покойному брату
Тобой так тепло отданы.
Я верю, душа твоя тяжко скорбела,
Я знаю, ты много страдал,
Когда на холодно остывшее тело
Усопшего брата взирал.
Припомнились тут тебе ручки мальченки,
Жена его, дряхлая мать,
И края родного родные избенки,
Которых ему не видать.
И сердце сжималось твое от печали,
Душа омрачалась тоской,
И тихо уста твои брату шептали
Последний привет и покой.
Один ты, быть может, сердечной слезою,
Один ты почтил бедняка,
Когда прах засыпала землею
Людская чужая рука.
Пред свежей могилой, с любовию братской,
Один ты, страдая, стоял,

И после рассказ нам о доле солдатской
Ты в чудных строках передал.
Прими же за то, певец незабвенный,
Привет и признанья мои,
Спасибо тебе за порыв вдохновенный,
За добрые чувства твои.

Гвардеец.

С. Петербург.
20-го ноября 1877 г.

Много лет спустя по появлении приведенных трогательных строк, я встретил автора, б. измайловского солдата; фамилия его была Колынин.

6.

К. Р., как государственный деятель

Посвящая свои досуги поэтическому творчеству, Константин Константинович, чуждаясь политики, выдвинулся в области деятельности государственной в качестве президента Академии Наук, о чем я уже упомянул, и в области военной педагогии в качестве сначала главного начальника, а затем генерал-инспектора всех военно-учебных заведений России, о чем остается досказать, чтобы довершить всестороннюю характеристику этого большого человека.

Около трех десятков лет прошло с тех пор, как поэт К. Р. стал кумиром моего детства, когда я встретился с ним в его Мраморном дворце по его приглашению. Готовясь к этой встрече и стараясь припомнить все, что отец бывало говаривал мне о нем, я вспомнил рассказ его о том, как, беседуя как то с великим князем о народном образовании (отец мой был крупным деятелем в этой области), Константин Константинович упомянул, что высшим для себя счастьем он считал бы быть простым народным учителем или инспекто-

ром народных школ. Что великий князь, дядя царствовавшего тогда императора, хотел бы быть простым народным учителем, очень поразило мое детское воображение и усилило его обаяние.

При первой встрече с ним я сказал ему об этом.

Порывшись в памяти, он ответил:

— Да, помнится, я это говорил вашему отцу...

И вот мечта великого князя сбылась, но в каком ином огромном масштабе: он стоял во главе учебного и воспитательного дела всего молодого военного поколения России! С назначением главой его такого широко образованного, гуманного человека, каким был К. Р., вложившего в эту деятельность все богатство своих знаний и души, всю свою большую любовь к детям, в области этого дела наступил благодетельный перелом. В среде педагогического состава кадетских корпусов было множество офицеров, вовсе неприспособленных для воспитания вверенных их попечению детей и юношей. Опустившиеся под гнетом житейских неудач, озлобленные ими и недостаточностью материального обеспечения, они исполняли свои обязанности спустя рукава, руководствуясь старинным методом воспитания — наказаниями, нередко несоразмерными с виною наказываемых, часто выражавшейся в простых детских шалостях. В кадетских корпусах господствовала рутина, формалистика, бессмысленная зубрежка, страх бессердечных наказаний, озлоблявшие воспитанников. Надо было сменить устарелых педагогов на новых, более чутких, знакомых с новыми методами педагогики и воспитания. И новый верховный начальник военно-учебных заведений, не знавший полумер в вопросах морали при всей доброте своего сердца, решительно приступил к реформе вверенного ему дела, и в застоявшийся воздух военно-школьной рутины проникла струя новых живительных преобразований. И общество, и печать приветствовали благодетельность этих преобразований и толь-

ко оставшиеся за бортом непригодные офицеры, воспитатели и педагоги, шипели, распространяя гнусные сплетни о новом верховном начальнике, как некогда шипели устраненные его отцом моряки-реакционеры, стараясь очернить его полезную для русского флота деятельность.

О новом главном начальнике военно-учебных заведений военная газета «Инвалид» писала:

«Знакомство с заведениями доставляло ему большое удовольствие. Он сердечно любит детей, и их отзывчивость на его ласки, их доверчивость и откровенность приводили его в восхищение. Особенность производимых великим князем смотров военно-учебных заведений состоит в полном отсутствии рутинного, деланного формализма. Он не смотрел заведения, как это понимается с точки зрения производящих и отбывающих смотры начальников, а посещал их и проводил время с воспитанниками и всем составом служащих. Отъезжая из заведения, он мог быть всегда уверен, что видел не одни казовые концы, а знал заведение во всех подробностях внутренней жизни. Во все разнообразные моменты жизни заведений обращение его дышало такой приветливостью, он был так доступен и прост и вместе с тем так участлив к делу и к людям, что дни его пребывания были в истинном смысле светлыми праздничными днями заведений. Тут не могло быть и помину о тревоге и суете; напротив, по выражению, которое было у всех на устах, это было «одно очарование».

Энергичная деятельность великого князя в должности главного начальника военно-учебных заведений продолжалась десять лет. В 1910 г. он получил новое ответственное назначение на высший пост генерал-инспектора военно-учебных заведений. Рескрипт, полученный им по поводу этого назначения, гласил:

«Признав необходимость ввести в отношении деятельности военно-учебных заведений те же

начала инспекции со стороны военного министерства, которые установлены по отношению к войскам, я избрал на новый ответственный пост генерал-инспектора военно-учебных заведений ваше императорское высочество. Долголетний ваш опыт в вопросах воспитания юношества и подготовки для армии соответствующего своему высокому назначению корпуса офицеров и полное любви и сердечных забот отношение ваше к этому важному для государства делу дают мне твердую уверенность в том, что в новой должности энергичная деятельность и неусыпные труды вашего императорского высочества найдут наилучшие условия. Стоя в стороне от сложного дела управления военно-учебными заведениями, заведывания их личным составом с его нуждами и повседневного разрешения многочисленных мелких вопросов текущей жизни, ваше императорское высочество будете иметь полную возможность наблюдать за выполнением военно-учебными заведениями своих основных задач и находить способы к их непрерывному усовершенствованию, осуществляя таким путем ближайшее назначение главной инспекции содействовать и помогать наиболее плодотворному направлению деятельности военного министерства. Принося вашему императорскому высочеству свою глубокую благодарность за ваши неусыпные труды в должности главного начальника военно-учебных заведений, сделавших под вашим сердечным и просвещенным руководством широкие шаги в деле своего усовершенствования, я выражаю вам мои искренние пожелания полного успеха в вашей деятельности в новой должности. Пребываю к вам неизменно благосклонный, сердечно вас любящий и искренно благодарный Николай».

Второй крупной реформой Константина Константиновича было преобразование так называемых окружных юнкерских училищ (по одному почти на всякий военный округ), куда принимались неудачники, неспособные закончить среднее

образование и «вольноопределяющиеся второго разряда», не окончившие 6-го класса гимназий или реальных училищ. Недостаточная интеллигентность выпускаемых из таких окружных училищ офицеров понижала уровень интеллигентности командующего состава русской армии. По мысли Константина Константиновича окружные юнкерские училища были преобразованы в военные училища общего типа, куда могли поступать лишь окончившие полный курс средних школ или кадетских корпусов. Эта реформа дала благодетельные результаты уже через несколько лет по ее проведении: уровень интеллигентности офицерского состава армии значительно повысился и в силу этого увеличилось число офицеров, стремившихся получить высшее образование в военных академиях.

Плодотворная деятельность великого князя в должности генерал-инспектора военно-учебных заведений продолжалась вплоть до его кончины в 1915 году.

7

Знаменитая драма «Царь Иудейский»—Постановка ее в Эрмитажном Театре — Запрет дальнейших постановок.

Возвращаюсь к прерванной нити последовательного рассказа о творческой деятельности К.Р.

Как старательно и долго он вынашивал свои произведения, можно видеть из примера его драмы «Царь Иудейский», которая задумана была им еще в 1886 г., а первое действие написано лишь в 1911-м. Таким образом, вынашивание сюжета продолжалось почти четверть века. Впрочем, это и не удивительно: очень уж грандиозен был замысел, устрашивший своим величием даже Гончарова, повидимому первого из его литературных друзей, с

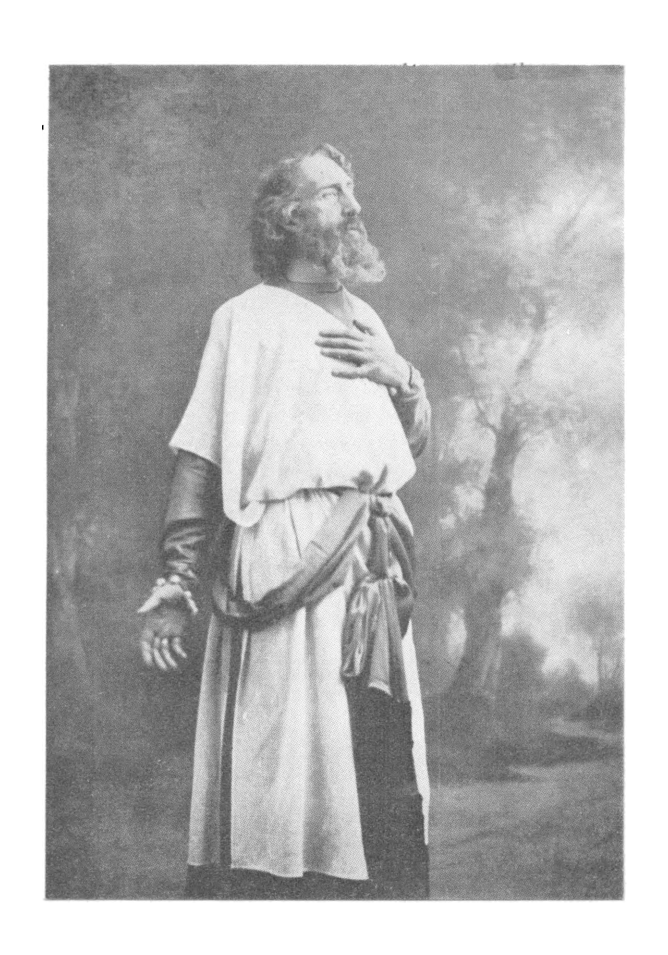
которым поэт поделился своим сокровенными по этому поводу мыслями. По крайней мере, в конце 1886 г. Гончаров писал К. Р., как я установил из имевшейся у меня в руках переписки его с его литературными друзьями, упомянутой мною выше:

«Возвращаясь по набережной пешком домой, я много думал о замышляемом вашим высочеством грандиозном плане мистерии-поэме, о которой вы изволили сообщить мне несколько мыслей.

«Если, думалось мне, план зреет в душе поэта, развивается, манит и увлекает в даль беспредельного, вечного сюжета, — значит надо следовать влечению и—творить. Но как и что творить (думалось мне дальше)? Творчеству в истории Спасителя почти нет простора. Все Его действия, слова, каждый взгляд и шаг начертаны и сжаты в строгих пределах Евангелия — и прибавить к этому, оставаясь в строгих границах христианского учения, нечего, если только не идти по следам Ренана, т. е., отнять от И. Х. Его божественность и описывать Его, как «очаровательного учителя, окруженного учениками, обслуживаемого женщинами», проповедующего свое учение «среди кроткой природы, на берегах прелестных озер» и т. д., словом писать о Нем роман, как и сделал Ренан в своей книге «Жизнь Иисуса Христа».

«Следовательно, художнику-поэту остается на долю дать волю кисти и лирическому пафосу, что и делали и делают живописцы и поэты разных наций...

«Всем этим я хочу сказать, какие трудности ожидают ваше высочество в исполнении предпринятого вами высокого замысла. Но как вы проникнуты глубокой верой, убеждением, а искренность чувства дана вам природою, то тем более славы, когда вы силою этой веры и поэтического ясновидения дадите новые и сильные образы чувства и картины — и только это, ибо ни психологу, ни мыслителю-художнику тут делать нечего.

«Я отнюдь не желал бы колебать вашей решимости или высказывать свои сомнения в ваших силах —нет. Читая томик, лежащий у меня под рукой, ваших стихотворений и, между прочим, переводов, я все более и более убеждаюсь в несомненных признаках серьезного дарования. Я только хотел сказать несколько своих мыслей по поводу избранного сюжета, которых при свидании, может быть, не сумел бы выразить определительно...

«Сам я, лично, побоялся бы религиозного сюжета, но кого сильно влечет в эту бездонную бездну — тому надо писать.»

Избрать для будущего крупного произведения именно последнюю неделю земной жизни Христа, т. е. «Страсти Господни», подсказал К.Р. П. И. Чайковский тремя годами позже. В октябре 1889 г. К.Р. сообщил ему, что после неблагоприятного его музе последнего года, вдохновение «снова меня как будто приосенило и я сочинил несколько мелких стихотворений, кажется, не слишком неудачных. Но это все мелочь, и хоть я не корю поэта за неспособность написать что-либо покрупнее лирического стихотворения, но самому смертельно хочется сочинить что-нибудь более значительное. Но должно быть я никогда от себя этого не дождусь».

Однако, веря в мощь творческого дарования К.Р., Чайковский не разделил его сомнений. «Ваше высочество говорите, что не надеетесь написать что-нибудь крупное, — отвечал он ему. — Я же, ввиду вашей молодости, совершенно уверен, что вы их напишете несколько. Так как вы имеете счастье обладать живым теплым религиозным чувством (это отразилось во многих стихотворениях ваших), то не выбрать ли вам евангельскую тему для вашего ближайшего крупного произведения? А что если бы, например, всю жизнь Иисуса Христа рассказать стихами? Нельзя себе представить более колоссального, но вместе с тем и более благодарного сюжета для эпопеи! Если же вас

пугает грандиозность задачи, то можно удовольствоваться одним из эпизодов жизни Иисуса Христа, например, хотя бы Страстями Господними. Мне кажется, что если с евангельской простотой и почти буквально придерживаясь текста, например, Матвея, изложить эту трогательнейшую из всех историй стихами, то впечатление будет потрясающее!»

«Я думал об этом,—отозвался К. Р., — и когда-нибудь, Бог даст, исполню эту задачу, но теперь еще я не дозрел для такого великого труда.»

Прошло 25 лет, талант поэта созрел, достиг полного расцвета и он дал нам замечательное произведение, вызывавшее при его исполнении, как и предсказал Чайковский, впечатление действительно потрясающее!

Закончив эту огромную работу со всей возможной исторической точностью (на основании изученных свыше полутораста источников на русском и, главным образом, иностранных языках, включая древние) и зная, что ни гражданская, ни духовная цензура не разрешат постановку драмы на публичных сценах, К. Р. отдал ее на суд самого Николая II. Хотя Константин Константинович, так же, как его отец, слыл демократом в царской семье, однако царь любил и глубоко уважал его. Культурность его и образованность, весь духовный склад — олицетворенная порядочность, высокая нравственность, не допускавшая сделок с совестью и полумер, — глубоко импонировали царю. Ему нравилось общаться с своим дядей, одним из самых образованных и талантливых членов его семьи, в дневнике его часты упоминания о посещении то «Кости», то «Мавры», (жены К. Р., Елизаветы Маврикиевны), то в Мраморном дворце, то в Павловском. На набожного царя драма, обнимающая последнюю неделю жизни Христа от торжественного входа в Иерусалим до дня воскресения, написанная очень красивым белым стихом, произвела сильное и самое отрадное впечатление. Он безусловно разре-

шил публичные ее исполнения. Но царица с Распутиным остались при особом мнении, разделенным синодом, который высказался против допущения драмы на публичную сцену. Положение царя оказалось неловким пред любимым дядей. Чтобы выйти из него, он пошел на компромисс, к которым чувствовал склонность: разрешил поставить драму в императорском Эрмитажном театре, прелестном небольшом театре, существовавшем со времен Екатерины, с бесплатным допуском немногочисленной публики (в зале Эрмитажного театра всего около 300 мест) с тем, что если бы опыт оказался удачным, там дальше видно будет...

Постановка драмы на такой исключительный сюжет, при таких исключительных условиях, составила выдающееся событие, вызвавшее большие толки в театрально-литературных, политических и духовных кругах столицы. Главную роль драмы Иосифа Аримафейского, члена синедриона, тайного приверженца Христа, прекрасно исполнял сам К.Р., опытный артист-любитель, в двух второстепенных ролях выступали его молодые сыновья Константин и Игорь (во время революции погибшие ужасной смерью на дне колодца в Алапаевске, где они вслух молились пока их не настигла смерть), три-четыре роли взяли на себя офицеры Измайловского полка, не раз выступавшие в спектаклях «Измайловского досуга», все остальные роли, в том числе главные, были распределены между артистами и артистками имп. Александринского и Малого театров. Режиссировал пьесу главный режиссер Малого театра Н. Н. Арбатов, мой большой друг, по макетам и под наблюдением которого были написаны замечательные декорации — задача очень трудная ввиду малого размера сцены Эрмитажного театра, с которой, однако, он справился блестяще: все, что было на сцене, выглядело монументально, как бы увеличивая ее размеры. Восхитительную музыку, такую же вдохновенную, как сама драма,—вступления к каждому действию,

характеризовавшие их содержание, и заключительный финал, написал А. К. Глазунов, сам дирижировавший придворным оркестром попеременно с его постоянным дирижером, Гуго Варлихом, очень талантливым и милейшим человеком. Великолепные костюмы были сделаны под наблюдением знатока костюма П. К. Степанова, сына известного московского художника Клавдия Степанова, заведывавшего костюмерной частью Музыкальной Драмы, стильные постановки которой таких опер, как «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Кармен», пользовались огромным успехом в значительной степени благодаря его руководству костюмным делом. В толпе, собравшейся в самом начале первого действия при поднятии занавеса у стен Иерусалима, в ворота которых только что до поднятия занавеса проехал на осляти Иисус Христос (на сцене на всем протяжении драмы не появляющийся), было около 60 представителей и представительниц различных восточных национальностей и у каждого и каждой из них был свой индивидуальный костюм ярких восточных цветов,—можно легко себе представить какую красочную картину эта сцена представляла! Солдаты измайловцы, убиравшие и ставившие сложные декорации, справлялись со своей работой с молниеносной быстротой под руководством секретаря «Измайловского досуга», капитана П. В. Данильченко. Солдаты же, изображавшие толпу представителей различных восточных национальностей, были вышколены им великолепно. С этими статистами не раз бывали курьезы. Вспоминается, как однажды, столкнувшись лицом к лицу с здоровенным чернокожим нубийцем на сцене, К. Р.—Иосиф Аримафейский — воскликнул:

— Фу ты, даже страшно глядеть на тебя! А знаешь ли, кого ты играешь?

— Так тошно, ваше имп. высочество! — браво ответил измайловец-нубиец.

— Ну, кого же, скажи.

— Так что убивцу, ваше имп. высочество! — с апломбом рявкнул солдат.

— Да, нет, братец, ты это не так понял. Была такая жаркая страна Нубия, населенная чернокожими нубийцами. Вот одного такого ты и представляешь. Не убийцу, а нубийца. Понял?

— Так тошно, ваше имп. высочество!

— Ну, повтори же, кого ты играешь.

— Так што не убивцу, ваше имп. высочество!

Почти ежедневные репетиции драмы от восьми до двенадцати часов ночи и дальнейшие спектакли ее, шедшие под названием «генеральных репетиций», чтобы не дразнить синод, продолжались, в общем, месяца два с половиной. После каждой репетиции бывал ужин в одной из зал Зимнего дворца, с участием всех участников постановок, во главе с автором драмы. После ужина пятеро из нас, принимавших руководственное участие в постановке, включая А. К. Глазунова, собирались в одном из покоев, так называемой, фрейлинской половины Зимнего дворца, чтобы в тиши его, за бутылкой вина, поделиться впечатлениями о последней репетиции или «генеральной репетиции», обсудить промахи ее и найти способы их устранения. Домой я возвращался обычно часа в четыре утра, чтобы с девяти начать рабочий день в редакции.

Когда пьеса была окончательно срепетована, начались настоящие спектакли, при чем для оправдания их названия «генеральных репетиций» перед первым рядом кресел стоял наш стол руководителей, с лежавшими на нем письменными принадлежностями для записывания наших наблюдений. Публика рвалась увидеть драму. Пропуски, поскольку их хватало, выдавались довольно свободно, в чем и мне приходилось принимать участие, выслушивая мольбы жаждавших счастья попасть в театр. Пьеса, представлявшая правдивую передачу в художественной форме евангельской версии о последнем акте величайшей мировой трагедии, про-

изводила на зрителей, христиан и нехристиан, впечатление одинаково сильное. Многие зрители плакали, у большинства на глазах были слезы. Последняя «генеральная репитиция» дана была для представителей печати. От желающих получить пропуски в театр отбою не было. В редакции у меня, распределявшей их, весь день стояла толчея. Появившиеся в ближайшие дни отзывы театральной критики, включая отзыв известного критика Кугеля, редактора-издателя журнала «Театр и Искусство», были единодушны в выражении полного одобрения и пьесы и постановки ее. После этой последней «генеральной репетиции» был дан один и последний спектакль для царя и царицы с допуском избранной публики: посмотрев настоящую театральную постановку драмы и лично убедившись, какое впечатление она производит на зрителей, царю предстояло придти к окончательному решению, допустить ли или запретить раз навсегда постановку «Царя Иудейского» на сценах публичных театров. Царица не приехала, и это было дурным признаком. Царь был умилен, потрясен. Он волновался, поминутно поглаживая усы — признак сильных душевных эмоций. Я имел возможность наблюдать за ним, сидя в нескольких шагах от него, сбоку. В антрактах он очень хвалил пьесу и ее исполнение и вызывал Арбатова, чтобы выразить ему благодарность за его отличную постановку. У нас не оставалось сомнений, что драма будет допущена на сцены публичных театров. Результат оказался совершенно противоположный: постановки ее для публики были раз навсегда категорически запрещены. Кто то из сильных мира намекнул К. Р., что дело легко бы уладилось, если бы он сказал по телефону несколько слов Распутину. Он с негодованием отверг гнусное предложение. Чрез несколько дней он уехал в Египет лечиться, в чем здоровье его очень нуждалось: волнения, связанные с постановкой и запрещением драмы, не мало были виною в этом. А

я, глубоко возмущенный вето, наложенным на драму, на постановку которой в Эрмитажном театре положено было столько усилий, дал себе слово так или иначе добиться проведения «Царя Иудейского» на публичную сцену. Но в отсутствии автора я не мог предпринять никаких шагов. Летние месяцы мы с женой собирались провести за границей, предполагая вернуться к сентябрю. До тех пор и приходилось отложить попытки привести мое намерение в исполнение. Как я упомянул, мне удалось повидаться с К.Р. раньше, на Пасхе, в Крыму, куда он вернулся из Египта. К великой радости моей, он поправился, выглядел и чувствовал себя отлично. Я высказал ему свой план, он покачал с сомнением головой, считая его неосуществимым. Мы решили отложить беседу об этом до встречи осенью. Потом К.Р. скоро уехал на лето за границу. Туда же поехали и мы с женой. Тревожные слухи о возможности войны застали нас в Швейцарии. Во время поспешного нашего возвращения через Германию, мы опоздали на несколько часов достичь границы Дании и были схвачены немцами невдали от нее, в Ростоке. После всяких мытарств, позже описанных мною в книге «В гостях у немцев», нам удалось вернуться в Петербург в середине ноября. К.Р., вернувшись в августе, жил в это время в Павловске. Я поспешил с ним повидаться.

8.

Мои попытки провести «Царя Иудейского» на публичную сцену. — Получение мною царского разрешения на устройство чтений драмы на сценах петербургских театров.

И вот я снова в кабинете его Павловского дворца, очень уютном, несмотря на огромные размеры этого роскошного дворцового покоя павловских времен. Холодность и суровость его согреты

теплом интимных привычек и склонностей теперешнего его хозяина. Как войти, налево в углу, позади старинного письменного стола, — киот с теплящейся лампадой; всюду множество портретов, книг, журналов; в углублениях огромных окон за решетками, во всю высоту окон, весело резвится множество снегирей на зло стоящей за окнами ноябрьской стуже; посреди кабинета — целое дерево, большая пальма и под нею, на столе, громадная, складная картина-головоломка, состоящая из мелких частей, за складыванием которых К. Р. любит дать отдохнуть мысли. Всюду мягкие ковры, скрадывающие шаги, мелодичный перезвон старинных часов, мир, уют, тишина, располагающие к работе.

Но как хозяин этого уютного покоя осунулся, какой усталый, болезненный вид у него! Я уже знаю причины. Прежде всего — сама война, которую К. Р. с его гуманной душой переживает очень тяжело. Потом — воспоминания об испытаниях, пережитых при последнем возвращении из-за границы, где его с великой княгиней неожиданно настигла война. При поспешном обратном переезде через Германию, им пришлось вынести наглость и всякие оскорбления со стороны немецких офицеров и солдат. На станции, ближайшей к месту расположения русской армии, их заставили оставить ручной багаж, обещая позже доставить его в полной сохранности. В багаже помимо многих ценностей, о потере которых К. Р. не жалел, были более ценные для него вещи: рукопись начатой новой драмы об Андрее Боголюбском, дневник и вся переписка, относившаяся ко времени постановки «Царя Иудейского», которые погибли безвозвратно, — немцы багаж русского великого князя удержали. При переезде со станции в жару в наглухо закрытом автомобиле немецкий унтер заставил К. Р. с женой выйти среди открытого поля и проделать длинный путь в десять верст до места расположения русской армии пешком.

Но все это было несущественно в сравнении с тем горем, которое ждало его по возвращении домой: одной из первых жертв войны погиб смертью храбрых сын Олег, самый способный в семье мальчик, интересовавшийся литературой, уже написавший обстоятельное исследование о Пушкине, обещавший пойти по стопам отца. По окончании Лицея, он был зачислен в лейб-гв. Гусарский полк. В одном из первых боев с немцами в первые же дни войны, князь Олег вынесся против врагов на своей замечательной гусарской кобыле серой масти, выбранной для него когда-то знатоком лошадей, дядей, в. князем Дмитрием Константиновичем, генерал - инспектором Госуд. коннозаводства, был тяжело ранен и доставлен в госпиталь в Вильну, где срочно вызванный отец, заставший его еще в живых, сообщил ему о пожаловании ему царем ордена св. Георгия и надел ему на грудь крест его дяди, полученный им в Турецкую войну. Умирая, князь Олег выразил желание быть погребенным не в усыпальнице Романовых в соборе Петропавловской крепости, а в отцовском имении Осташево над Рузой в 25 верстах от Волоколамска, московской губернии, куда и был доставлен гроб с его останками. В утро его прибытия в Осташеве собралась вся семья и близкие ее. В день похорон, вместо обычно царивших тут шума и веселья своей молодежи и гостей, включая пажей, князей Александра Карагеоргиевича и К. А. Багратион-Мухранского, в то время фельдфебеля пажеского корпуса и камер-пажа императрицы, претендентов на руку княжны Татьяны Константиновны, прелестной, веселой барышни, с шумными пикниками, кавалькадами, охотами, танцами, — теперь царили печаль и уныние. За завтраком после похорон сидели в задумчивом молчании, дамы в трауре, молодежь с траурными повязками, среди которых светлым пятном выделялось белое платье княгини Татьяны, тогда уже жены кавалергарда кн. Багратион-Мухранского. Ста-

раясь поднять общее настроение, она вдруг сказала:

— Мы не должны грустить и носить траур по Олеге. Его смерть — наша гордость! Он первый из Романовых отдал свою жизнь за Россию в эту войну!

В этих словах сказался патриотизм, в духе которого Константин Константинович воспитал свою семью.

Стараясь отвлечь К. Р. от тяжелых мыслей, я заговорил с ним о моем плане провести «Царя Иудейского» на публичную сцену, начав с устройства публичных чтений драмы на сценах лучших театров Петербурга, с участием артистов императорских и Малого театров, предназначив весь доход от чтений, который должен был быть значителен, на помощь раненым. К. Р. зажегся интересом. Обсуждая этот план, мы разговорились. Он снова выразил сомнение, разрешит ли правительство устройство таких чтений; но мысль мою одобрил, попросив только точнее указать благотворительную цель таких чтений, если разрешение на устройство их будет получено: предназначить доход на приобретение перевозочных средств (повозок, лошадей, наем санитаров) для быстрого эвакуирования тяжело раненых с мест боев в лазареты или в санитарные поезда, в чем ощущалась большая нужда. На этом мы расстались.

С просьбой об устройстве таких чтений драмы в лучших театрах столицы я обратился к начальнику Главного управления по делам печати, графу Татищеву, очень уважавшему вел. князя. Сочувственно отнесясь к моему плану, он объяснил, что попытки такие уже делались в разных провинциальных городах, но на них был наложен строгий запрет в виду того, что антрепренеры стали трепать драму с корыстными целями по всяким сомнительного свойства сценам и читать ее наряду с скабрезными фарсами. Ввиду наложения запрета на публичные чтения драмы в театрах, граф посоветовал мне обратиться через него с

прошением к министру внутренних дел, который войдет по этому поводу с «всеподданнейшим» докладом. Я так и поступил, указав в прошении благотворительную цель чтений, упомянутую К. Р. К моей большой радости ответ пришел быстро. Царь разрешил единолично мне устройство таких чтений при условии соблюдения мною правил, которые будут разработаны для этой цели министерством внутренних дел. Правила эти оказались очень детальны и мелочны. Правительство указывало мне форму одежды для артистов, участвующих в чтениях: сюртуки с темными галстуками для мужчин и закрытые белые платья с длинными рукавами для артисток; при поднятии занавеса на сцене, артисты должны сидеть за длинным столом с печатными экземплярами драмы в руках и читать роли по книгам, отнюдь не декламируя их и воздерживаясь от всякой мимики и жестикуляции; вставать, читая роли, и вновь садиться, выходить со сцены и возвращаться в соответствии с авторскими ремарками воспрещалось; задняя и боковые кулисы должны изображать обыкновенную комнату; всякие знаки одобрения публики строго воспрещались. И так далее без конца.

Я поспешил порадовать К. Р. полученным мною разрешением. Понимая, как грустно ему было бы, если бы чтения начались без его участия, живо напомнив постановки драмы в Эрмитажном театре, я спросил, не согласился ли бы он принять участие хотя бы только в первом чтении, если бы его устроить в большом Белом зале его Мраморного дворца, при условии, конечно, если врачи разрешат ему. Он видимо оживился, сказал, что чувствует себя вполне бодро и принял предложение. Решено было, что такое первое чтение с его участием состоится 4 января наступающего 1915 г. Я сообщил об этом в газетах, указав, что пропуски на эти чтения можно получить в конторе Мраморного дворца, они бесплатны, но получающим их предоставляется вносить добровольные пожерт-

вования на помощь военно-раненным (в том смысле, как того желал К.Р.). Мест в Белом зале было столько же, как и в Эрмитажном театре. Пропуски были расхватаны в первый день по объявлении, а от желающих получить их отбоя не было. Добровольные пожертвования давались щедрой рукой.

Состав артистов и артисток оставался тот же, что раньше, за исключением нескольких любителей, которых я заменил артистами Александринского и Малого театров. Ввиду невозможности поместить в Белом зале придворный оркестр, решено было заменить его органом с роялем — в зале сохранился огромный старинный орган. В течение первых дней рождественских праздников органист консерватории проф. Гандшин спешно занялся трудной работой по переложению оркестровой партитуры для органа с роялем и приведением в порядок самого органа. И в последних числах декабря состоялась считка с участием автора, которого мысль о предстоявшем чтении видимо очень подбодрила.

И вот снова раздался тихий голос Иосифа Аримафейского, вдохновенно читавшего скорбно-проникновенные вступительные слова, обращенные к другу своему, члену синедриона Никодиму:

> Священные писания глаголы
> Напоминают звезды в небесах.
> Загадочно, таинственно они
> Льют нам свое сияние на землю.
> Как звездочет, вникающий пытливо
> В небес полночных огненную книгу,
> Ты изучил пророков и закон;
> Я ж отдаюсь души слепому чувству,
> Порывам сердца повинуюсь я.

Вдохновенная читка К.Р. захватывала других исполнителей. Они волновались. В жуткой сцене пира во дворце Понтия Пилата (в то время, как на Голгофе разыгрывается последний акт мировой

трагедии и издали доносятся заунывно-тягучие возгласы глашатая: «Моли-итесь о казни-имых!»), опытный артист Малого театра Рыбников, читал свою роль префекта когорты (по-нашему, командира пехотнаго полка, присланного из Рима в помощь Пилату) каким то странным сдавленным голосом. Я спросил его в перерыве чтения, что̀ с ним?

— Я никогда так не волновался, — признался он. — Спазма сдавила мне горло. Настало время читать, а я, к ужасу своему, чувствую, что нет у меня голоса.

Прекрасное чтение довершалось торжественно-величавыми звуками органа. Молитвенно звучал под аккомпанимент его хор князя Иоанна Константиновича, любителя пения. Предстоящее чтение обещало несомненный успех.

И вдруг на следующий после читки день нас повергла в уныние тягостная весть: Константин Константинович серьезно занемог. Повторился сердечный припадок грудной жабы. Это было начало конца.

К великой скорби участников чтения и счастливцев, заручившихся пропусками на 4 января, чтение было отменено. Болезнь уложила К.Р. на месяц в Мраморном дворце. Необходимость пролежать весь январь в городе вместо того, чтобы провести его в любимом Павловске, не говоря уж о невозможности поехать полечиться в теплые края, что он обычно делал, усложняли ход болезни.

С стесненным сердцем приступил я к хлопотам об устройстве дальнейших чтений в театрах. Для этой цели я получил театры Музыкальной Драмы, Народного дома и позже Михайловского. В роли Иосифа Аримафейского заменил вел. князя известный артист Александринского театра Аполлонский. Барон Штакельберг, начальник придворного оркестра, предоставил его в мое распоряжение для устройства чтений. А. К. Глазунов обещал дирижировать им иногда, сменяя Гуго

Варлиха. Чтения проходили при переполненных залах с огромным успехом. Это вносило некоторую радость и утешение в безрадостную в то время жизнь больного автора: он слушал некоторые чтения по телефону, который ставился для этой цели на сцене того или иного театра.

Неизменно дежурившие в театральных залах местные полицейские пристава строго следили за исполнением мною обязательных предписаний правительства. Кое-какие нарушения их начинали случаться, но все обходилось благополучно. Только раз в театре Народного Дома вышел курьезный случай, когда режиссер импер. театров Долинов, временно заменявший Арбатова, выпросил у меня согласие разрешить ему мигнуть на сцену электрическим карманным фонариком, а турецкому барабану пророкотать чуть слышно подобие грома в вышеупомянутой сцене пира у Пилата в то время, как на Голгофе совершается казнь, сопровождаемая грозой. Скрепя сердце, я согласился. Лишь только занавес опустился после этой сцены, местный пристав Крылов (кстати сказать, вскоре павший первой жертвой февральской революции) попросил меня в контору для составления протокола о нарушении мною обязательного постановления правительства о недопущения сценических эффектов.

Я объяснил, что на мой взгляд дело выеденного яйца не стоит. Эффектец был ничтожный, в Эрмитаже гром гремел и молнии сверкали во всю. Привлекая меня к ответственности, придется внести в протокол и имена непосредственных нарушителей правительственных предписаний: режиссера импер. театров, мигнувшего фонариком, придворный барабан, еле слышно прокативший дробь, дирижера придворного оркестра, допустившего эту вольность. Газеты подхватят, пойдут писать перья репортеров, упоминая имена авторов драмы и протокола. Как еще там, в сферах, отнесутся к такому соседству?...Пристав почесал затылок и махнул рукой...

«Вечер поэзии». — Последние дни К. Р. — Ученый Совет Синода против допущения сборника К. Р. в библиотеки духовных учебных заведений.

9.

Надорванное здоровье К. Р. восстанавливалось медленно. Пролежав январь и начало февраля 1915 г. в Мраморном дворце и почувствовав себя, в общем, немного лучше, он переехал в Павловск, пытался приняться за работу, она не клеилась, он хандрил. Желая его подбодрить, я надумал устроить «Вечер поэзии К. Р.» в одном из больших зал Петербурга и, съездив к нему в Павловск, получил его согласие. Мысль о вечере очень его оживила. Мы обсуждали подробности, он высказал надежду приехать на генеральную репетицию, если доктора ему позволят, с условием, что я посажу его в укромном месте, скрыв от взглядов посторонних. Проведя несколько часов в Павловске за беседой в его кабинете, за завтраком в кругу его семьи и гуляя с ним по обширной картинной галлерее дворца, я уехал, унося впечатление, что здоровье его не так уж плохо, как мне говорили.

Я поторопился приступить к организации «вечера поэзии», получив для него огромный зал «Армии и Флота» на углу Литейного и Кирочной. Вечер должен был состояться с обычной благотворительной целью 23 апреля, с участием лучших столичных артистов, артисток, певцов и певиц и оригинального оркестра старинных русских инструментов — дудок, свирелей, сопелок, балалаек и т. д. знатока старинной русской музыки Привалова; он сам напросился участвовать в моем вечере, и я придумал для него инсценировку стихотворения К. Р. «Родного севера картина». В программу вечера входили другие инсценировки, декламация и мелодекламация стихов К. Р., романсы на его слова Чайковского и других известных композиторов и самого К. Р., который был хорошим

музыкантом. Приехать на генеральную репетицию вечера доктора ему не разрешили. А случившаяся на следующий день ужасная катастрофа на Охтенских пороховых заводах со множеством убитых и раненых рабочих, в чем подозревалась рука немцев, вызвала новый сердечный припадок у К. Р., справившись с которым он прислал мне телеграмму, прося изменить благотворительную цель вечера, предназначив весь доход на помощь семьям пострадавших охтенских рабочих. Поместить об этом сообщения в газетах было поздно и в день концерта на следующий день, 23 апреля, в воскресенье, по Невскому с утра расхаживали нанятые мною люди, раздавая прохожим печатное об этом сообщение.

«Вечер поэзии» имел огромный успех. Сбор за проданные билеты был, что называется, битковый. Все газеты поместили прекрасные рецензии, и музыкальный критик «Нового Времени» назвал мой вечер «праздником чистого искусства». Понимая, как, читая их, К. Р. должно было взгрустнуться, я надумал свезти наиболее красивые номера программы к нему в Павловск на «музыкальное утро». Он с радостью согласился, «утро» было назначено на 30 апреля. Накануне его он писал мне: «Признаюсь вам, что, как мальчик, радуюсь повторению главнейших номеров «вечера» у нас в Павловске. Думаю, вы останетесь довольны классической и в то же время уютной обстановкой литературного утра. Ждем на него двух старших царских дочек. Зала, где будут происходить чтения, и все ее убранство остались неприкосновенными с 80-х годов XVIII века, когда она была устроена моей прабабкой, императрицей Марией Феодоровной». Среди этой классической, но уютной обстановки с временно сооруженной сценой с занавесом, «утро» прошло с огромным успехом в присутствии довольно многих приглашенных гостей. Исполнители превзошли себя в стараниях доставить удовольствие больному поэ-

ту. Пять дней спустя после утра он написал мне, благодаря за «умиленное чувство, пережитое благодаря вам 30 апреля». Управляющий его двором, Р. Ю. Минкельде, сообщал мне, что великий князь чувствует себя прекрасно. Но в это время он получил горестную весть о второй семейной утрате, новой жертве войны, гибели кн. Багратион-Мухранского. Проведя зиму 1914-15 г.г. со своим кавалергардским полком в бездействии в окопах, он был командирован в 13-ый лейб-гренадерский Эриванский его величества Михаила Федоровича полк подобно многим другим офицерам гвардейской кавалерии того времени, переведенным в некоторые пехотные полки действующей армии ввиду сильной убыли их офицерского состава. Командуя ротой, князь в ночной атаке первым выскочил из окопа и был убит на месте пулей в голову. *) Константин Константинович почувствовал себя хуже под влиянием этого удара и слег в своем кабинете, постепенно слабея. Так как он уже не мог ходить на богослужения в дворцовую церковь, семья его попросила близкого ей человека, управляющего Павловском, инженера Серг. Ник. Смирнова, известного строителя церквей в Петербурге и Москве, археолога, знатока и собирателя церковной старины, соорудить для больного вел. князя маленькую домовую церковь через одну комнату от его кабинета. С. Н. Смирнов выбрал в своем музее старины лучшие старинные иконы, царские врата, пелены расшитые золотом и старинный вологодский напрестольный крест, и небольшая церковка вышла очень уютной, радуя бедного больного и его семью.

В это время, в середине мая, приехал в Петербург Фед. Ив. Успенский, директор константинопольского археологического института, знамени-

*) Как известно, вдова его, кн. Татьяна Константиновна, в сороковых годах постриглась в монахини в монастыре в Иерусалиме, приняв имя Тамары, где она доживает свой век в сане игуменьи.

тый византиолог, автор капитального труда «История Византии». В то время русское главное командование подготовляло в Одессе войска и пароходы для десанта в Варне в Болгарии, откуда эти войска должны были идти в Константинополь, т. к. овладение им с Черного моря по Босфору было труднее. Ф. И. Успенский имел задание войти в Константинополь с первыми же войсками, как лучше всех знавший архивы при мечетях, и немедленно расставить при них часовых для охраны их. Затем должно было совершиться водружение креста на св. Софии, святыне всего христианства. Ф. И. Успенский поручил С. Н. Смирнову устроить ему свидание с вел. князем, которого он хотел просить приехать в Константинополь, чтобы лично водрузить крест на св. Софии.

Когда С. Н. Смирнов приехал с этой целью повидать К. Р., больной лежал одетым на кровати в своем кабинете в тужурке с Георгием на груди. Королева Эллинов Ольга Константиновна сидела рядом и вязала. Брат и сестра, нежно любившие друг друга, были в это время неразлучны.

Поручение, переданное С. Н. Смирновым, очень тронуло и обрадовало больного.

— Оля, подумай, — обратился он к сестре, —это я, я водружу крест на св. Софии! Я!

И он попросил С. Н. Смирнова передать Успенскому его благодарность вместе с обещанием непременно принять его, как только ему станет немного лучше.

А 2-го июня великого князя не стало... Он скончался скоропостижно во время припадка грудной жабы, усложненной болезнью почек.

Осенью я повторил «вечер поэзии», но уже «в память почившего августейшего поэта». На эстраде, сбоку на мольберте, стоял большой его портрет, за которым была скрыта арфа. Перед началом «вечера» я попросил переполнявшую зал публику почтить память усопшего поэта вставанием. Марья Андр. Ведринская, известная артист-

ка Александринского театра, вся в белом, подошла к мольберту с связкой белых лилий и, обращаясь к портрету, прочла под звуки арфы слова Иосифа Аримафейского из драмы «Царь Иудейский», с которыми он, в лице К. Р., обращался в Эрмитажном театре к невидимой гробнице «отстрадавшего Страдальца»:

Пускай навек Твои сомкнулись очи,
И плотию уснул Ты, как мертвец,
Но светит жизнь из тьмы могильной ночи,
Сияя солнцем в глубине сердец.
Живительно, и действенно, и ново
В сердцах у нас Твое бессмертно слово:
Любви к Тебе душа у нас полна,
А где любовь, там смерть побеждена!

Арфа смолкла. Марья Андреевна положила лилии к подножию портрета. Застывшая в благоговейном молчании публика по знаку моему заняла свои места.

Последний «вечер поэзии» начался...

Издания «Царя Иудейского» от общедоступного рублевого до «роскошного» 25-тирублевого, которыми я руководил, быстро разнесли по России славу автора драмы. Интерес к его творчеству сильно возрос. Недорогих сборников его стихотворений в продаже давно не было. Полное четырехтомное собрание его сочинений было доступно по цене лишь ограниченному кругу читателей. Поэтому, в целях широкой популяризации его творчества, я, с его согласия, выпустил три общедоступных по цене сборника: «Избранные лирические стихотворения», сборник стихотворений военного характера «В строю» и «Жемчужины духовной поэзии». Первые два сборника вышли при жизни поэта, третий вскоре после его смерти. В нем я собрал избранные стихотворения духовно-

нравственного содержания, прибавив к ним три отрывка из «Царя Иудейского», представлявшие самостоятельный интерес: «Песнь учеников Иисусовых, молитву Его приверженцев и переложение в стихах псалма Давидова «Хвалите Господа с небес», содержание которых было так же возвышенно и глубоко-нравственно, как и содержание остальных стихотворений. За включение этих трех отрывков в сборник «Жемчужины духовной поэзии» наш святейший правительствующий синод возымел намерение мне отомстить за мои попытки провести драму на сцену, но неудачно.

Как практиковалось в то время в отношении таких общедоступных полезных книг, я послал первые два сборника в ученые комитеты светских ведомств, а «Жемчужины духовной поэзии» в ученый комитет этого святейшего синода для одобрения и допущения к пользованию в библиотеках подведомственных этим ведомствам учебных заведений. От министерства народного просвещения и других светских ведомств ответы пришли быстро и, конечно, в положительном смысле. Ответ ученого комитета синода замедлился, а когда он, наконец, пришел, я вскипел: канцелярия святейшего синода уведомляла меня, что ученый комитет его не признал возможным одобрить мои «Жемчужины духовной поэзии» для чтения в библиотеках духовных училищ и семинарий. Я поехал в канцелярию синода. Столоначальник ее, подписавший полученное мною извещение, с большим смущением объяснил, что, высоко почитая поэтическое творчество К. Р., он сам был поражен решением ученого комитета. Для выяснения дела он посоветовал мне обратиться непосредственно к тому члену комитета, которому было поручено рассмотрение сборника. Я поехал на квартиру к этому мудрому ученому мужу на Кабинетской в доме какого то подворья. Вышел протойерей, по телосложению весьма дородный, по выражению лица не весьма в себе уверенный.

В ответ на мой вопрос, не думает ли он, что сборник содержит образцы самой чистой, облагораживающей душу поэзии, сей ученый муж, сильно окая, ответил:

— Оно так. Но ведь вы включили в него три отрывка из драмы «Царь Иудейский».

— А разве вы не полагаете, что содержание их так же высоко-нравственно и прекрасно в религиозно-христианском смысле, как и содержание остальных стихотворений сборника? — спросил я.

— Оно так, — снова подтвердил ученый муж в рясе. — Но в свое время святейший синод к самой драме отнесся неодобрительно, а посему я не признал подобающим рекомендовать ученому комитету одобрить сборник, оные три отрывка заключающий.

Спорить было бесполезно. Нужно было заключить беседу решительными словами.

— Вот что, о. протойерей, — сказал я. — Благоволите в течение недельного срока пересмотреть ваш отзыв о сборнике и, в соответствии с этим, порекомендовать ученому комитету пересмотреть свое решение. В противном случае я доведу это неслыханное дело прямыми путями до сведения государя императора и дам ему широкую огласку в печати.

К концу недели канцелярия синода уведомила меня, что, пересмотрев свое решение по поводу сборника К. Р., ученый комитет святейшего синода, в силу вновь представившихся соображений, нашел возможным свое прежнее решение отменить и оный сборник для допущения в библиотеки всех духовных училищ и семинарий одобрить...

Переговоры с царской ставкой по прямому проводу накануне революции о костюмах для артистов.—Срыв революцией спектакля драмы в импер. Михайловском театре. — Она же помогает поставить драму по-настоящему в Петрограде и Москве.

10.

Чтения драмы продолжались на сценах петербургских театров и после смерти автора. После благополучно сошедшего с рук маленького эффекта в театре Народного дома, мои артисты мало-по-малу стали позволять себе дальнейшие вольности: все еще сидя за столом с книгами в руках, они начинали играть роли, не заглядывая в книги, прибегая к мимике и жестикуляции, карманный фонарик старался изо всех своих маленьких сил метать молнии на сцену и турецкий барабан разражался уже почти громоподобными раскатами. И полицейские пристава о протоколах не заикались. Им было не до того. Над Россией начинали раздаваться раскаты иного грома, правда еще еле слышимые. После нескольких таких чтений — почти спектаклей, «свиты его величества генерал-майор» Александр Дм. Шереметев, владелец известного симфонического оркестра, которым он большей частью сам дирижировал на дававшихся одно время каждое воскресенье общедоступных симфонических концертах, сочувствуя моим стараниям провести «Царя Иудейского» на публичную сцену, обратился ко мне с предложением помочь мне в этом деле путем участия в моих чтениях со своим оркестром под личным его дирижерством: ему очень пришлась по душе музыка Глазунова. Я охотно согласился. Ближайшее чтение с его участием состоялось в импер. Михайловском, так называемом, французском театре. Тут мои артисты и артистки начали вести себя, не без моего благосклонного участия, совсем уж вольно, играя по-настоящему и разгуливая по сцене, хотя еще с книжками в руках и в установленной

правительством одежде. Захваченная развитием драмы публика почти не обращала внимания на эти странности. Однако, надо было покончить с этими нелепостями, добившись разрешения одеть артистов и артисток, если не в настоящие костюмы, то хотя бы в некоторое подобие их. Министерство внутр. дел, к которому я обратился, разрешение этого вопроса от себя отклонило. Оставалось испросить высочайшее согласие. Казалось бы царю, находившемуся в ставке главнокомандующего русской армией на фронте, было не до обсуждения таких пустяков. Но мой «генерал-майор свиты его величества» знал, что делал. Он снесся по прямому проводу с царской ставкой и добился желанного ответа: мне разрешено было одеть моих артистов и артисток, если не в настоящие костюмы, то в «бесцветные, бесформенные хитоны». Мы срочно заказали их. Предстояло уже почти настоящее представление драмы. Билеты в Михайловском театре брались нарасхват по бешеным ценам.

Чтобы обсудить некоторые подробности предстоявшего спектакля, мы собрались в зале помещения шереметевского оркестра на Невском близ Б. Морской. При входе в зал бросалось в глаза пустое место на стене с выцветшим квадратом обоев, где всегда висел портрет Николая II: оказалось, «генерал-майор свиты его величества» отправил изображение своего величества «в места не столь отдаленные» — на чердак. И за одно уж снял его вензеля с своих погон. И открывая собрание, вместо того, чтобы заговорить о деле, для которого мы собрались, граф нервно воскликнул:

— Господа, дальше идти некуда! Россия накануне революции!...

И действительно она разразилась через несколько дней, по театральному выражению «сорвав» наш спектакль... Она же помогла Н. Н. Арбатову возобновить почти во всем прежнем великолепии постановку драмы в конце правления

Временнного правительства и в первый период по восшествии на российский престол большевистской династии, когда я уже находился в Вашингтоне с июля месяца в качестве члена Чрезвычайной миссии и представителя русской печати. Согласно письмам Арбатова, полученным в то время, заручившись разрешением Временного правительства, он в конце лета 1917 г. добыл из кладовых б. императорских театров прежние костюмы и декорации и возобновил постановку драмы в театре Н. К. Незлобина (бывш. Коммиссаржевской), где, после двухмесячной подготовки, в разгар большевистской революции, «Царь Иудейский» выдержал, под аккомпанимент выстрелов на улицах, 78 ежедневных представлений. Из Петрограда Незлобин перевез постановку в Москву, где, согласно его воспоминаниям, печатавшимся в 1926 г. в рижском русском «Слове», драма после новой длительной подготовки шла, с новыми костюмами и декорациями, с мая месяца 1918 г. — «с совершенно небывалым успехом», выдержав около ста представлений.

Такова история этой знаменитой драмы, Добавлю, что по приезде в Америку я делал попытки заинтересовать ею здешние театральные круги. Был даже план о создании с этой целью особого театра религиозной драмы. Военные события и последовавшие за ними осложнения международной полйтики помешали осуществлению этого грандиозного плана.

Говоря в этой книге о характерных чертах творчества К. Р., я старался приводить соответствующие образцы его. С тою же целью я привожу в следующем за этим текстом конце книги, помимо общего содержания драмы «Царь Иудейский», два ярких образца: полный текст второй картины 3-го действия — пир во дворце Понтия Пилата во время завершения на Голгофе страшной мировой трагедии и светлый финал драмы — возвещение о воскресении Христа.

ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ

Драма в четырех действиях и пяти картинах

Сильно сокращенная и упрощенная версия содержания драмы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ. У городской стены Иерусалима, в ворота которой (до поднятия занавеса) только что въехал на ослице Иисус Христос (во все течение драмы на сцене не появляющийся). Против стены несколько лавок, торгующих различными товарами, с крышей навеса над ними, густо занятой народом. Дорога к воротам образует площадку, на которой развесистая маслина с большим камнем под нею, служащим сиденьем. На уклоне, образуемом дорогой, — помещение центуриона* и воинов-стражников. Дорога забросана цветами и устлана одеждами, по которым только что проехал Иисус. Сцена запружена народом. У многих в руках пальмовые и масличные ветви и цветы. Общее ликование и радостный шум. Саддукеи глумятся над Иисусом Христом. Народ хватается за камни. Центурион разгоняет толпу. На сцене остаются члены синедриона Иосиф Аримафейский (скрытый приверженец Христа) и Никодим (колеблющийся, но готовый в Него уверовать). Не видя их, скрытых за толстым стволом маслины, саддукеи и фарисей, сидя на камне под нею, сговариваются добиться казни Христа.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ. Перистиль в бывшем дворце Ирода Великого, занимаемом прокуратором Иудеи, Понтием Пилатом. Предрассветный

---

* Объяснение слов, нуждающихся в этом, даны в конце книги.

сумрак. Иосиф приходит тайно сообщить Прокуле, жене Понтия, готовой уверовать в Христа, что синедрион судил Его минувшей ночью и приговорил к казни, которой он намерен добиться до наступления ночи. Первосвященники, еврейские старшины и весь синедрион приводят ко двору Пилата Иисуса и приглашают Пилата выйти судить Его. Прокула умоляет мужа не утверждать приговора синедриона. Слышна извне бурная сцена перед дворцом, в течение которой Прокула принимает прибывших из Рима гостей, префекта когорты и двух трибунов, пустой болтовней и столичными сплетнями старающихся развлечь Прокулу, тревожно прислушивающуюся к тому, что происходит за сценой, откуда в заключение долгих препирательств с толпой Пилата, раздается отчетливо его голос: «Я умываю руки в знак того, что неповинен я в крови невиной. За Праведника вам держать ответ!» В ответ на что раздается яростный рев толпы: «Пусть кровь Его на нас и на детях наших!»

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ, КАРТИНА ПЕРВАЯ. Сад при доме Иосифа, примыкающий к городской стене. За стеной дорога, ведущая на Голгофу. Посетители Иосифа, глядя со стены на дорогу, делятся впечатлениями, что там происходит. Вдали по городской улице толпой валит народ, впереди воины и глашатай, возглашающий протяжно, нараспев: «Иисус Назарянин, Царь Иудейский!» Иисус, изнемогая под тяжестью креста, который Он несет, пошатывается, падает, саддукеи и фарисеи, понукая Его подняться, издеваются над Ним: «Не время теперь валяться в прахе! Ха, других спасал, а сам себя спасти не можешь!» Сжалившись над Христом, центурион приказывает страже помочь Ему подняться. За Иисусом следуют два разбойника, несущие свои кресты, и скорбная мать Его, опирающаяся на руку любимого Его ученика. Шествие удаляется. В саду Иосифа смятение. Ни-

кодим, глядя со стены вслед шествию, преклоняя колена, восклицает: «И Божий гнев не разразился! Ангелам небесным не повелел Господь слететь на землю из рук злодеев вырвать Иисуса!..» Голос глашатая, уже вдали, издали протяжно тянет: «Иисус Назарянин, царь Иудейский!»

КАРТИНА ВТОРАЯ. Текст ее приводится дальше целиком.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ. Другая часть сада Иосифа Аримафейского. Слева высокая скала с высеченными в ней ступенями. Разгорается утренняя заря. Жены мироносицы и другие приносят радостную весть о воскресении Христа. Заключительная сцена драмы приводится ниже.

Полный текст второй картины третьего действия

У Пилата. Богатый покой. Несколько мраморных ступений ведут к арке, за которой триклиний — столовая, полукруглое помещение под сводом. Среди триклиния богато накрытый стол, уставленный яствами и питиями. Обилие цветов. Вокруг стола возлежат на ложах из слоновой кости: Пилат и его столичные гости: префект и оба трибуна. Прокула сидит на ложе против Пилата. Постепенно становится все темнее. Александр, молодой невольник Прокулы, и другие невольники прислуживают. Сумрак, позволяющий однако довольно ясно различать предметы. Постепенно становится все темнее.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

1-ый трибун

И трех часов с полудня не прошло,
А солнце скрылось.

2-ой

Сумрак необычный
Окутал землю.

1-ый

Все мрачнее и гуще
Таинственная мгла.

Префект (насмешливо)

Вся тайна в том,
Что временно луна затмила солнце.

Прокула

В безоблачном оно померкло небе
В тот самый час, когда на лобном месте
Казнь началась.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Голос левита (за сценой очень далеко, протяжно и заунывно)

Молитесь о казнимых!

1-ый трибун

Опять!

2-ой

Опять зловещий этот голос!

1-ый

Что это значит?

Пилат

Здесь обычай есть:
Покуда казнь свершается, взывает
Ко гражданам левит с высокой башни,
Чтоб за казнимого молились.

Прокула

Еще не поздно, Понтий. Время есть
Еще тебе загладить грех великий.
Ты приговор твой можешь отменить.

Пусть Александр, иль кто-нибудь, поспешно
Туда, на эту страшную Голгофу,
К центуриону сбегает. Молю
Тебя, молю всем, что всего дороже
Тебе на свете! О, пошли его!
Пусть передаст он там твое веленье,
Чтоб задержали, чтоб прервали казнь!

Пилат

Ты просишь невозможного. Ты судишь
По-женски. Непристойно приговоры
Постановлять и снова отменять.
Власть твердая того не допускает.

Прокула

Но, Понтий, сам считаешь неповинным
Ты Осужденного.

Пилат

Тут есть причины,
Которых женский не охватит ум.
Тут государственная польза. Впрочем,
Какое дело может быть тебе,
Матроне римской, до того еврея?

Прокула (тихо Александру)

Как долго медлит Лия! Александр,
Узнай, ужель не воротилась
Она с вестями? Я давно услала
Ее туда.

Александр

Я справлюсь, госпожа! (уходит направо)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Префект (тихо Пилату)

Все помыслы ее к той страшной казни

Прикованы. Но надо попытаться
Ее развлечь веселою беседой.

Пилат

Послушаем и мы. (*Невольникам*). Полней вина
Налить гостям.

Голос (*за сценой протяжно, заунывно*)

Молитесь о казнимых!

1-ый трибун

Как нагоняет на душу тоску
Унылый голос этот!

2-ой

У египтян
На пиршествах разряженным гостям
В чертог веселья мумию приносят —
Напоминанье о грядущей смерти.
Так этот голос заунывный нам
О неизбежности конца вещает.

(*Здесь Прокула, до сих пор не обращавшая внимания на пирующих, прислушивается к словам 2-го трибуна*)

1-ый

Смотрите! Все чернее тьма кругом.

2-ой

День превратился в ночь.

1-ый

Еще могу я
Предметы различать.

Пилат

Подать огня! (*Невольники зажигают светильники*)

Префект

При пламени светильников как ярко
Сияют изумруды в ожерельи
У нашей госпожи! Пришла на память
Мне Лолия: когда с ней развелся
Внук и наследник кесаря, она
Без всякого труда нашла другого,
Не слишком знатного супруга. Я
На брачный пир был позван. На невесту
Навесили на сорок миллионов
Сестерций изумрудов и жемчужин.

Пилат (смеясь)

Ужели мог ты с точностью такою
На глаз ее убранство оценить?

Префект

Нет, в жемчугах и драгоценных камнях
Я не знаток; она сама на пире
Высчитывала каждому охотно
Их стоимость.

(Входит справа Лия, молоденькая невольница Прокулы, последовательница Христа, невеста Александра, за ней он)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Прокула

Ах, Лия, наконец!
Иди сюда! Скорей, садись поближе
Здесь на скамью у ложа моего.
(Говорит с ней вполголоса)

Префект

Когда, плывя к далекой Иудее,
Я покидал родные берега,
И за кормой в лазоревом тумане
Тонули рощи и сады Путéол,

Казалось мне, что ждут меня лишенья,
Что сродников утратив и друзей,
От родины оторванный, здесь буду
Я жертвой одиночества и скуки.
Но вот, еще не минул день прибытья
В неведомую чуждую столицу,
А мне уж кажется, что дома я.

2-й трибун

Как в Риме, как у нас на Палатинском
Холме, мы слышим речь родную; те же
Перед глазами пышные чертоги,
А в довершенье — ласковый прием.

1-ый

Могли ли думать мы, что в Иудее
Нас угостят лукулловским обедом!

Префект

Чего, чего здесь нет из яств отборных:
Мозги павлиньи, языки фламинго,
И еж морской, и устрицы Тарента
И куры нумидийские, и рыба
Которой родина — Эвксинский Понт...

1-ый трибун

А как ласкает взор разнообразье
Плодов; из рога изобилья словно
Их высыпали нам: тут и гранаты,
И вишни, и египетские фиги,
И яблоки, и сливы из Дамаска.

2-ой

Но лучше всяких лакомств и плодов
Живительная в этих кубках влага —
Хиосское и кипрское вино;
Оно шипит и пенится, и жажду
Нам утоляет, и волнует кровь!

Префект

Товарищи, я кубок поднимаю
За прокуратора!

1-ый трибун

Его здоровье!

2-ой

За нашего хозяина!

Префект

Я пью
За благородную его супругу!

1-ый трибун

За Прокулу я кубок осушаю!

2-ой

И я!

Пилат

Вам, воины, благодаренье
И за меня, и за мою супругу.

Префект

Лишь наша госпожа ни до чего
И не дотронулась из яств обильных.

1-ый трибун

Непочатый, налитый до краев,
Пред нею блещет кубок драгоценный.

Префект

Средь множества невольниц в этом доме
Наверно есть искусницы плясать.
Сирийская прославленная пляска

Под сладостные звуки флейт и лир
Развеселит печаль твоей супруги,
И, может быть, тоска ее пройдет.

Пилат

Пусть пляшущие явятся рабыни
И плясуны сирийцы.

Прокула (тихо Лии)

Что за пытка!
Ах, Лия, Лия! Слушая тебя,
Я чувствую, что острое железо
Гвоздей как будто в руки мне и ноги
Вонзается. В истерзанной груди
Мое смертельной мукой сердце рвется.
Все помыслы и чувства все мои
Там, у Него, у страшного креста...
А здесь и этот смех, и эти речи!...
Уйти бы мне, чтобы не слышать их.

Лия

О, потерпи еще, молю тебя!
Они не знают, что творят... Уходом
Супруга ты разгневаешь... Побудь
С гостями... Притворись, прикинься
Веселой, беззаботной, госпожа!
(Входят пляшущие сирийские рабы и рабыни)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Прокула

Я не могу! Не в силах больше я...
(Раздается музыка из сада. Музыкантов не видно)

О, если бы не видеть этой пляски...
Ах, уведи меня куда-нибудь!

Лия

Молю тебя, сбери остаток силы,

Бери с Него пример! Терпи, как Он!
(Сирийская рабыня пляшет)

Префект

Под звуки томные лидийской песни
Как упоительны ее движенья!

1-ый трибун

Какая нега!

2-ой

Сколько выраженья!

Префект

В истоме сладостно стан изогнув,
По влажному морскому лону словно
Плывет она.

1-ый трибун

Бессмертные Хариты
С ней не могли бы в изяществе сравняться.

2-ой

При виде нежных прелестей ее
Самой завидно стало б Терпсихоре
Одной из девяти сестер Парнаса.

Префект

Но как бледна! Она дрожит всем телом,
И в помутивших глазах у ней
Читаю я какой то страх смертельный.

Пилат

Чего-нибудь повеселей!
Пусть пляшут все.

Голос (за сценой)

Молитесь о казнимых!

1-ый трибун

Опять!...

2-ой

О, благородное вино!
И суеверный страх с ним позабудешь.

1-ый

И этот мрак зловещий нипочем!
(Сирийские рабы и рабыни пляшут).

Префект

Он пляшет, как во сне, как в исступленьи,
И ужас на лице, как и у ней.

1-ый трибун

Так хищный зверь выслеживает жертву!...

2-ой

Она летит на легких крыльях ветра,
Едва касаясь мраморного пола.

1-ый

Вот он настиг!

Префект

Нет, вырвалась она.

2-ой трибун

Так от Плутона мчалась Прозерпина.

Префект

Или сабинянки от римлян...
(Ослепительная молния. Оглушительный удар грома. Подземный гул. Землетрясение. Стены и колонны колеблются).

2-ой трибун

Боги!

(Бежит, спотыкается, падает и лежит в оцепенении).

Префект (тревожно)

И молния, и гром, и гул подземный!

(Спешит к выходу в сад и опирается на колонну).

Пилат (роняя кубок)

Земля колеблется! (Вскакивает)

1-ый трибун (падая на колени)

Мы погибаем!

(Сирийская рабыня с раздирающим душу воплем убегает; сириец — за ней. Порыв завывающего ветра. Огни гаснут. Непроницаемый мрак. Долгое мертвое молчание. Потом сразу яркий дневной свет).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Префект

Что это было?

Пилат

Не во сне ли мы?

1-ый трибун

В себя я не приду.

2-ой

Кровь стынет в жилах.

Прокула (Медленно вставая, с величием)

Ужели вы не поняли еще?
Ужель сердца у вас окаменели?

О, Понтий! Боязливо, малодушно
Ты Неповинного послал на смерть.
Знай, Римский прокуратор Иудеи,
Наместник кесаря и друг его, —
Водою мира целого не смоешь
С себя ты той чудовищной вины!
Он, Праведник, Он, посланный нам с неба,
Он, солнце истины и Божий Сын,
Повис, простертый на кресте позорном.
И вы дивитесь, что померкло солнце,
Что молнии во мраке заблистали,
Что разразился грозный гром небес,
Что в ужасе тряслись земные недра!
Я верую! Мне сердце говорит!
Он испустил последнее дыханье.
Свершилось! Господи, Его страданье
Грех мира дольнего да искупит!

(Занавес быстро падает)

Павловск. Страстная пятница.
23 марта 1912

Заключительная сцена четвертого действия

Как упомянуто раньше в общем содержании драмы, сцена этой картины представляет сад Иосифа Аримафейского с высокой скалой слева. Разгорается утренняя заря. Жены мироносицы приносят радостную весть о воскресении Христа. Ликованье Иосифа и его единомышленников. По уходе их, Иосиф всходит на вершину скалы по высеченным в ней ступеням. За скалой по невидимой дороге медленно проходят ученики Христа, возвращающиеся от опустевшей гробницы Его, с пением псалма, который Иосиф, воздев руки, произносит в заключительных двадцати стихах под аккомпанимент тихого пения учеников Христа.

Иосиф

Тебе, Воскресшему, благодаренье:
Минула ночь, и новая заря
Да знаменует миру обновленье,
В сердцах людей любовию горя.

Хвалите Господа с небес
И пойте непрестанно:
Исполнен мир Его чудес
И славой несказанной.

Хвалите, сонм бесплотных сил
И ангельские лики:
Из мрака скорбного могил
Свет воссиял великий.

Хвалите Господа с небес,
Холмы, утесы, горы!
Осанна! Смерти страх исчез,
Светлеют наши взоры.

Хвалите Бога, моря даль
И океан безбрежный!
Да смолкнут всякая печаль
И ропот безнадежный!

Хвалите Господа с небес
И славьте, человеки!
Воскрес Христос! Христос воскрес!
И смерть попрал на веки!

Заря все больше разгорается. Пение слышно все громче в то время, как из-под сцены медленно поднимается занавес вверх, изображающий лилии, постепенно скрывая скалу с стоящим на вершине ее с воздетыми руками Иосифа.

Павловск. На Святой.
6 апреля 1912

Объяснение некоторых слов, встречающихся в тексте вышеприведенных отрывков драмы

Дольний мир, земной, человеческий в противоположность неземному; поэтич. выражение, встречающееся у Пушкина.

Ирод великий, правитель Галилеи, царь Иудейский, правивший Галилеей во время рождения Спасителя.

Кесарь, римский император, кесария — его столица.

Левит, еврейский церковнослужитель.

Палатинский холм, один из семи холмов, на которых был построен Рим, древнейшая часть его.

Парнас, гора в Греции, посвященная Аполлону, богу солнца и искусств, и девяти музам, богиням наук и искусств.

Перистиль, ряд колонн, образующих галлерею вокруг одного из покоев дворца.

Плутон, властитель преисподней.

Префект, штаб-офицерский чин в римском войске, по-нашему командир пехотного или пехотноконного полка.

Прозерпина, у римлян — то же, что у греков Персефона, дочь Юпитера и Деметры, олицетворявшей производительные силы земли, похищенной Плутоном.

Прокуратор, наместник кесаря, римского императора.

Сабинянки, жены и дочери сабинян, арийского или пелазгического происхождения, в древности утвердившихся в Италии; согласно преданию, сабинянки были похищены во время празднеств подданными Ромула, основателя и первого царя Рима.

Саддукеи, древне-еврейская религиозная секта, признававшая единственным законом моисеево пятикнижие.

Сестерций, древне-римская монета стоимостью около шести царских копеек.

Синедрион, совет старейшин в древней Иудее, выполнявший функции религиозного учреждения у евреев, а также Функции административного и судебного органа.

Терпсихора, муза танцев и хорового пения.

Трибун легиона, римский офицерский чин и должность, нечто вроде нашего батальонного командира.

Триклиний, столовая у древних римлян.

Фарисеи, религиозная-политическая секта у древних евреев, отличавшаяся фанатизмом и лицемерным исполнением наружного благочестия.

Хариты, богини красоты.

Центурион, офицерский чин у древних римлян не привилегированного сословия, средний между фельдфебелем и подпоручиком; здесь имеется ввиду центурион Лонгин, который по церковным преданиям был исполнителем казни Христа, свидетелем Его страданий, смерти и воскресения, уверовавший в Него.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ
